

1971

1 января

Вот и пришёл Семьдесят Первый. Вчера ровно в двенадцать мы стукнулись – Кипса, Катюша и я – стаканчиками какого-то венгерского красного. Вскоре Катя ушла со своими сверстниками и сверстницами гулять в чей-то дом, прихватив начатую бутылку, а поздно ночью явилась за другой... Вернулась же под утро, в пол-пятого.

С утра перепечатаваю стихи, отобранные для пластинки «Гранд». <...>

2 января

Был у Кости. Он как всегда в сугубо рабочем состоянии и пока не дописал очередную страницу (это продолжалось ровно пять минут) не стал говорить со мною. Только что вернулся из Вьетнама, был в Ханое, в Хайфоне, у залива Халонг – в местах мне хорошо знакомых и памятных, говорит, что меня везде поминают добром. Ещё говорили мы о «Библиотеке поэта», о Блоке, о моей внучке Кате, которая, оказывается, в Новый Год у Гердтов ухитрилась сесть в холодец. Он написал об этом смешное четверостишие и прислал его Кате.

Говорили о его сыне Алёше, который, увы, разошёлся с Олей Бган и она теперь приходящая мама у симоновского внука. Но у последнего есть и бабушка Женя Ласкина, так что ребёнок ухожен. Константин подарил мне книжку статей. В ней и обо мне две прекрасные странички.

Понимал ли я, чувствовал ли в 1968 году и раньше, что был счастлив? Что это счастье – в присутствии Зои? Что никакого другого нет и не может быть? Что другого не надо? Нет, этого я не понимал и не чувствовал. Вот отчего моя беда сегодня так непомерна, так невыносима. Вот отчего так судорожно и в сущности нелепо ищу я какой-то замены в лице другой, слишком молодой девушки или женщины, всё равно. Такой поиск продолжается, по крайней мере, уже год... Наверно, я обречён на него. А поиск останется только поиском, больше ничем.

5 января

Письмо Саши Некрасовой¹ вчера вечером страшно взволновало меня. Оно короткое, поздравительное, ничего другого нет и между строк. Разве только сожаленье о том, что приходится прощаться с 1970-м годом и тут же благодарность мне за то, как я служил ей в прошлом году. Не хочу распространяться обо всём, что было, о том, как безнадежна была и в то же время безоглядна моя любовь к ней. И как резко (увы, с моей стороны) всё это оборвалось в ноябре в Ленинграде.

Сегодня в Гослите вносил мелкие поправки в последние стихи 1969-го года, купил в Лавке писателей² ещё 15 экземпляров «Медной Лиры». Они тут же разойдутся. Вот кажется всё за этот день. Вечером придёт Игорь Кравченко. Значит, и виски пригодится.

Утром звонила Таня³ уже из Ленинграда, но Варя, увы, не разбудила меня. Таня – дитя, всего 21 год, кончает ЛГУ. Дипломная работа «Анненский и французский символизм». Я снабдил её множеством французских поэтов: Бодлер, Малларме, Верлен, Тристан Корбьер... <...> Существо сумасбродное, безответ-

ственное, обожает Беллу, пишет талантливые и бессвязные стихи, а письма её в том же духе, но сильнее стихов.

Завтра Сочельник. Вечер Сочельника мы с Зоей называли своим свадебным праздником, и это отвечает истине. Сочельник 1927 года – ночь первой нашей полной близости. В последние числа декабря Зоя снилась мне непрерывно, ночью, а то и днём. Само её появление, внезапное и неожиданное, совпадало с внезапным пробуждением. Что было причиной, что следствием, определить невозможно. Но я склонен думать, что причина – сама Зоя, т. е. достаточно было возникнуть её образу, чтобы уже брезжила бодрствующая память о том, что Зои нет, и эта мысль будила меня.

Вечером у меня Игорь Кравченко из Владивостока, читает стихи.

6 января

Утром вместе с Варей в Вострякове поставили около Зои тощую ёлочку с серебряной ниткой. Постоял я несколько минут без шапки, приложился к бронзовым губам моей возлюбленной, и на Пахру. Вот уже третий час здесь. Мороз. Ясное небо. Зои нет.

С дальневосточным издательством, где до сей поры Игоря Кравченко хорошо встречали, сейчас полный провал с возможностью второй книги – из-за нового директора и других новых персонажей. Та же картина у другого моего приятеля, тоже талантливого, Виктора Широкова из Перми. Общность этих «периферийных» судеб молодых сама по себе тревожна, как симптом. <...>

Еще рано утром в Москве по телефону говорил с Таней. Вчера она сдала зачёт по истории философии, бодр, громогласна, похахатывает, выразила нечто вроде желанья работать у меня секретарём после диплома. Но это ещё как бог ей на душу положит... <...>

Стал разбирать черновые тетради военных годов, нашёл много такого, о чём и не вспоминал тридцать лет, нашёл и такие, что можно было вспомнить... но теперь оно уже не пригодится к чему-либо. Мне меньше, чем кому-нибудь. Но сколько проглядел Левин!⁴

7 января

Читаю довольно дрянную книжку, выпущенную издательством «Международные отношения», под названием «План Барбаросса», в которой, хоть и на основании многих подлинных документов, речей и приказов Гитлера, но слишком поверхностно излагается то, что хорошо известно: план вторжения в Советский Союз и его «стадиальное» исполнение. Но при этом многое игнорируется совсем, например, как в результате соглашения с Гитлером мы оккупировали часть Польши и как возникла война с Финляндией, словом, всё, что бросает тень на наши действия до 1941 года. Нет и попытки объяснить их целесообразность или даже необходимость с тогдашней точки зрения. Зато сильно раздуто стремление Англии и Франции переложить тяжесть всей войны на Советский Союз. Как вульгарная пропаганда, книжка запоздала на 25 лет.

8 января

В первый раз за столько дней хорошо сегодня выспался... <...> Да и насморк легче, если не прошёл совсем. Так что может случиться, смогу в понедельник записаться на пластинку. После этого, мне кажется, никаких экстренных и трудных дел не предстоит. Буду вставлять уже приготовленные вставки в статью о Гюго для третьего тома⁵. Он намечен к пуску в производство где-то в конце 1-го квартала, в марте. А 24-го намечен большой вечер поэтов-переводчиков. Выучу наизусть «Пьяный корабль», что-нибудь Гюго и Аполлинера. Всё это – программа-минимум на январь.

Попробовал кое-что схронометрировать для записи на пластинку. «Санкюлот» (4 страницы) читаю пять минут. «Застольную» (1 страница) 1 минуту. Очевидно, моя программа вполне уложится в 35 минут, но без «Циркачки».

Необходимо выволить текст моего доклада на симпозиуме у стенографистки и отдать его в «Вопросы литературы». Это вполне подходящий для журнала материал. Если там не выйдет, попробую в «Новый мир», больше некуда.

<...> Стал я перечитывать самые первые письма Саши Некрасовой, – февраля, марта прошлого года, ещё до её первого приезда в Москву, до нашего знакомства. И очень сложные и сильные чувства. Ведь всё это было и ещё как было! Так недавно и так давно. Она действительно умна и неправдоподобно молода и полна противоречий... И может быть, всё, решительно всё могло бы сложиться между нами по-другому, если бы я так не спешил со своими признаниями, которые могли только смутить её. После каких-то трёх-четырёх дней её пребывания в Москве в апреле я сразу выложил ей ... признание в любви. Это было глупо и должно было показаться ей чуть ли не пошлостью. А потом пошло и пошло. Май и начало июня в Ленинграде. Октябрьская гостиница. Рядом – Межиров, который конечно был ей ближе и интереснее, чем я. Несколько летних встреч, которые укрупняли и утверждали чувство разрыва и безнадёжности. В последнем, трагическом письме, писанном в той же гостинице в Ленинграде, она пишет о полном отсутствии у себя женского кокетства и о том, что было очень много детского упрямства. Значит, в чём-то обвиняет себя. На самом же деле вся вина ложится на меня одного. <...>

9 января

Надо признать, что несмотря на некоторые очень плохие тенденции (о которых не стоит сейчас говорить) издательство «Молодая гвардия» сделало очень много хороших дел, например, всю серию «Жизнь замечательных людей» – в ней есть просто отличные книги. Есть и научно-популярные книги того же характера. Вот я сейчас читаю «Тайна жрецов Майя»: о дешифровке писем Майя, которые в течение двух веков считались безнадежно неподдающимися дешифровке. Нашёл их секрет – в результате долгих поисков – русский лингвист и математик Кнорозов⁶ в 1950-х годах. Автор книги Кузьмищев⁷, сам знаток Латинской Америки, хороший, находчивый и добросовестный рассказчик. Книжка отлично иллюстрирована. <...>

С нами приехал и Денис,⁸ мой восхитительный правнук, очень лёгкий и добрый ребёнок. 7-го февраля ему исполнится три года. Он очень восприимчив ко всему окружающему. Конечно, обожает машины, какие угодно, ему всё равно: самосвал, подъёмный кран, самолёт, телевизор... Увы, сюда же причисляется и оружие. На этот раз пистолет. Сегодня ночью ему снилось, что крокодил поднимается ко мне на второй этаж, что крокодил белый. Мозг у него работает непрерывно, не всегда поймёшь, что он болтает, но это длинные, правильно построенные фразы.

10 января

Утром разговор по телефону с Таней. Ей приходится и сдавать зачёты и «подрабатывать» чем-то вроде уроков. <...>

Сейчас закончил печатать вставки в «Гюго». Это шесть машинописных страниц. Думаю, что к этой статье больше не притронусь. В ней будет чуть меньше двух листов. В «Рембо» около полутора. Пришёл Влад<имир> Мих<айлович>. Сейчас мы углубимся с ним в шахматы.

С нашей Варей творится Бог знает что. <...> Она невероятно темна несмотря на то, что вся её жизнь прошла в нашем доме. Сегодня утром она выложила Кипсе такое: «Ты с семи лет у нас (у кого это у «нас»?) на шею сидишь!!.»⁹. Кипса, конечно, в слёзы. Разумеется она понимает, что это только невоздержанность злого языка, но эта невоздержанность ставит Варю как бы вне закона нормального общежития. Правда, она отходчива, тут же забывает, что сказала. Но вот сегодня, то ли чувствуя свою вину, то ли чью-то перед собою, она поделилась с Влад<имиром> Мих<айловичем> намерением уехать в деревню. Если она действительно так решит, её отъезду будет предшествовать длительная закупка чудовищных припасов всякой еды. Но может случиться, что она завтра же забудет об этом.

11 января

<...> Вчера вечером был Лёва Левин, который решил втравить меня в телевизионное выступление о Володе Луговском. Это не очень красиво с моей стороны, но я решительно отказался, ибо знаю, какая мука иметь дело с телевидением: выступишь на пять минут, а времени займет пять часов!

12 января

От Тани письмо. На этот раз очень толковое. Уже ответил, а сверх того отправил ей три томика Леконт де Лиля¹⁰, чем исчерпал свой запас французских символистов.

Наша Варя слегла, ждёт врача, температура 37,1. Кипса считает, что её болезнь – признак истерии. Кипсина тётка Галя Гольц в таких же случаях, то есть наговорив массу глупых гадостей близким, сразу же заболевает сама.

Игорь Волгин прислал свою новую книжку. Он интересно вырос. Пишет, что задумал работу о Достоевском. Вот ещё один «молодой», которого я когда-то отметил. Ещё один пример моей «лёгкой руки» и верного глаза.

Завтра бедному Лёве,¹¹ отцу моих внуков, исполняется пятьдесят лет. Кипса предполагала справить эту дату у его матери, Лидии Петровны Тоом¹². Но старуха больна. Так что всё будет у нас. Кипса ожидает, что придут человек тридцать. И по правде, я радуюсь что придут сюда, к нам. <...> Зоя ушла. Лёва ушёл. Мой сын тоже ушёл: давно, в 1942 году. Те которые живут, помнят. Память, наверно, самый святой дар, отличающий человека от других тварей.

13 января

С гостями Кипса всё очень хорошо придумала и устроила. Их было много. Пришли все, которые были позваны. Угощение было *a la fourchette*, как на приёмах в посольстве. Разные тарталеты, птифуры, много водки и вина. Кипса сразу дала верный тон: не о смерти, а в честь рожденья, за вечную жизнь Лёвы. Дезик Самойлов читал поэму.¹³ Это интересная вещь, свободная до раскованности. Есть кое-какие реминисценции с «Мастером и Маргаритой», с карнавальным балаганным шутловством, как у меня в «Вийоне». Является в поэме и Лёва Тоом – туманно, но в этой смутности иначе нельзя. Конечно, Самойлов очень талантливый поэт. Где-то и в чём-то он неуловимо соскальзывает и в гениальничанье. Это дело непростительное. Но поскольку я не уловил точно где и в чём, взятки гладки. Его чтение было центральной частью вечера и люди были все одинаково милые.

14 января

<...> Утром был Игорь Волгин. Он действительно вырос духовно. Задумал большую работу о «Дневнике писателя» Достоевского, нашёл новые материалы. Хочет доказать, что «Дневник» не так уж реакционен и мракобесен, как у нас его малюют. Словом, из него вырабатывается человек с кругозором – не книжной начитанности, но самостоятельного поиска, самостоятельного взгляда на развитие русской культуры. Это качества редкие у современных поэтов. <...> Думаю, что и среди историков совсем немного таких.

17 января

<...> Был у Юры (Ю.А. Завадского. – Сост.), видел его после очень большого перерыва. Боюсь и сосчитать, сколько месяцев... Он недомогает: сердечные перебои и прочее. Как никак, семьдесят седьмой год. Но выглядит бравым гвардейцем эпохи Александра Первого. Тоже болтовня на разные темы: Достоевский, судьба театра «Современник», несостоявшиеся летние гастроли в Югославию и Венецию, ещё о чём-то. Но наша дружба есть явление почти сказочное! Подумать только – с 1915 года. Пускай перерывы в целые эпохи, забывчивость и забвеньё... Всё равно эта дружба – нечто цельное и замкнутое.

18 января

<...> А сейчас о книжке великолепного французского путешественника Франсиса Мезьера¹⁴ «Загадочный остров Пасхи». Автор талантлив, красноречив,

увлечён предметом до предела, но домыслы его по поводу виденного, можно сказать, за пределами науки: археологии, истории, лингвистики, антропологии. Он принципиально доверчив ко всему, что услышал от несчастных аборигенов острова. Но ведь и это своего рода метод. По чести сказать, мне он ближе, чем любое наукообразие. Хороша общая тенденция: защита затерянного в океане племени и самого острова от многовекового (начиная с испанских конкистадоров вплоть до современного правительства Чили) безмозглого и подлого варварства белой расы! Но как мало значат голоса одиноких борцов за правое дело! Нам-то, у себя дома, это слишком хорошо известно. Книга при всех условиях поэтичная. Она даже дразнит этим. А я, небось, так и проживу, не повидав ни океана, ни тропиков...

19 января

Маленькая книжка «Достоевский в Петербурге» изданная в Ленинграде напомнила мне одно сказочно прекрасное место в «Подростке», о том, что весь Петербург – фантазмагория и когда-нибудь исчезнет как дым вместе с туманом и останется одно финское болото, а посреди него, пожалуй, для красы – бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне... Здесь запрограммировано очень многое в поэтике Блока и Белого, а может быть, и в моей собственной... Во всяком случае, от такой генеалогии я никогда не захочу отречься! Ещё бы!

20 января

Сегодня моей дочери исполнилось пятьдесят лет, шутка ли! Это значит, что мне в ту пору было 24 с половиной года. Весной, когда ей было три-четыре месяца, я болел воспалением лёгких. На трубах, протянутых от печурки в окно, сушились её пелёнки. Это был очень тяжёлый год для всех нас. Жили на пайки, которые я отработывал в нескольких местах. Год премьеры «Турандот», в мае умер Вахтангов.¹⁵

23 января

<...> Пришёл ко мне неизвестный человек из Дагестана, назвавший себя поэтом, принёс поэму, которую намерен посвятить Юнеско. Стал я читать форменную белиберду, терпенья хватило на 10 минут, и вернул парню, довольно резко сказав, что никакой поэзией у него не пахнет. Он здоровяк сорока лет. По видимости огорчился, но не очень. На что он рассчитывал? Или просто очень наивен? Не знаю. Я не смею кривить душой в таких случаях. Искусство это ад. Каторжный труд, безысходное терпенье, выдержка. Здесь не должно быть пощады слабым.

24 января

Сегодня предстоит вечер переводчиков. Я надеялся, что выучу хоть что-нибудь наизусть, но увы, придётся читать по книжке, а я терпеть этого не могу. Но

какой же бездарный был этот вечер! Прежде всего, никогда не видел я большой зал ЦДЛ таким ненаселённым, с пробелами чуть ли не в целые ряды. А что за скучная публика, как невосприимчива, как не понимает что, куда, откуда и зачем. Но и винить её не приходится. Ибо с самого начала председательствующий Сурков понёс такую нудную ахиною минут на двадцать, что всех усыпил. Меня выпустили первым, как старейшего. Прочёл стихи Гюго и Рембо, относящиеся к Коммуне 1871 года, ввиду предстоящего столетия. Мне кое-как аплодировали.

26 января

А сегодня была у меня очень талантливая сказочница, с которой меня еще давно познакомил Паша Бунин¹⁶, – Светлана Рудакова¹⁷. Сказки о Дон-Кихоте, о Мольере, о Гоцци, о Моцарте. Сказки очень интересные, да и сама она мила и очень неглупа. <...>

28 января

От Тани заказной пакет со стихами и маленькой запиской, как всегда, на редкость умной и пронзительной. Да и стихи (как она пишет, «старые, до Москвы»), конечно, многообещающие, т.е. прежде всего талантливые, а потом уже всё остальное. «Остальное» же заключается в её крайней, неправдоподобной молодости (впрочем, соответствующей возрасту) и в некотором влиянии Беллы. Но главное, в настоящем обожанье Петербурга – Ленинграда. Словом, это моя удача, мой улов. <...> Вот Танины стихи:

Кого-то доброго молю:
Пусть будет так, как прежде было –
Забудь – а я уже забыла,
Предай – а я уже люблю.
И пусть в счастливой суете
Счастливой памятью клянутся
Те безоглядные и те,
Не смеющие оглянуться.

Как это выгравировано, выгранено, кристаллизовано. А ей всего двадцать один год!

31 января

<...> Всё больше вчитываясь в гётевское «Dichtung und Wahrheit»¹⁸ или, лучше сказать, всё глубже погрязая в эту многоречивую прозу, я, прежде всего, вижу, до чего она немецкая, только немецкая. Почитание всяких титулов и званий, чем выше, тем раболепнее, полное доверие к раз навсегда заведённому статусу, – из этих оков, даже став лейпцигским студентом, Гёте так и не может вырваться. Из его тщательного описания собственных учёных занятий, по-немецки основательных, никак не видно, что автор – будущий гений, ниспровергатель

основ, вождь «штурм унд дранг», но может быть, я и рано стал делать выводы. Прочёл, впрочем, больше трети книги. <...>

1 февраля

Проснулся сегодня с сильной болью где-то в области сердца. Давно со мною этого не было, хотя все последние дни случалось, что нет-нет да и кольнёт на левой стороне груди. Это легко снимал валидол. Но сегодня было хуже и я чувствую себя и стариком и калекой. Вот не было печали...

Читаю Гёте. Несмотря на всё то, что я уже здесь отметил, поразительна воля и стремление к труду и познанию. Тут, рядом с иностранными языками, новыми и древними, химия, гравюра, рисование, не говоря уже о непрерывном совершенствовании в поэзии. Совершенное отсутствие боязни ремесла. Наоборот, убеждение в том, что искусство начинается с ремесла. Дружба с сапожниками, типографщиками, с кем угодно, у кого можно хоть чему-нибудь да научиться. В этом отношении Гёте-юноша – очень привлекательный образ, и при том типично немецкий. Немецкий в лучшем смысле слова. Бешеное трудолюбие, и всё это за двести лет до нашего времени. До паровых машин, не говоря о многом другом, открытом и добытом в XIX и XX веках. «Нас охватывает прекрасное чувство, что лишь человечество в целом есть истинный человек и что каждый человек в отдельность должен быть рад и счастлив, ежели у него хватает мужества ощущать себя частью этого целого». Эти слова Гёте есть вершина европейского гуманизма.

2 февраля

Милейший Анатолий Исаевич¹⁹, мой врач из поликлиники Литфонда, прописал мне полупостельный режим и ещё множество лекарств сверх прежних. Сердце всё-таки пошаливает, особенно когда я меняю горизонтальное положение на вертикальное, то есть при вставании утром уже обязательно ноющая боль в левом боку – там, где ей полагается быть.

Сегодня у меня было очень милое и сердечное существо: горбунья Тамара Мазур, пишет диссертацию о Случевском²⁰. Мало чем могу помочь ей, плохо знаю Случевского, да и его эпоху (70-90 годы) тоже не знаю. <...>

3 февраля

Правлю сверку. Она гораздо благополучнее, чем первые листы, так что в основном убираю лишние запятые, от которых меня тошнит вот уже двадцать лет. Любое деепричастие ставится в запятых. Если фраза начинается с «И значит», обязательно после «И» идет запятая. Тут нет никаких правил. Скорее всего, страх корректоров, что они что-то пропустили. У меня с ними давнишняя война.

Чем больше я захожу вовнутрь книги Гёте, тем не только больше понимаю книгу и автора, но и увлекаюсь характером человека и нации. Я полностью привык к французам и готов простить французскому писателю всё, что угодно, и риторику, и скабрзную страницу, и просто болтовню. Впрочем, нельзя говорить только об

этих, общеизвестных, вещах. Рядом и величайшая добросовестность, и железная логика, и острый глаз и ещё многое.

Но возвращаясь к Гёте и к немцам. Сама эпоха – конец XVIII века – не слишком благоприятствовала развитию гения. Обожанье Фридриха Великого возникло не на пустом месте. Были маленькие герцогства и бюргерские города, богатые, чванные, с множеством зарубежных связей, но всё-таки замкнутые в себе. Молодой Гёте был одержим страстью к странствованиям. Это его растило и воспитывало.

4 февраля

Так вот дальше о Гёте. Он уже автор «Геца фон Берлихингена» и «Вертера», но рассказывает об успехе своём чрезвычайно скромно, остаётся всё тем же, что и раньше – начинающим, учеником каждого, с кем встречается. Воля к самосовершенствованию, стремление проникать во всё новые области знания, вплоть до магии и кабалистики, вплоть до исканий Лафатера²¹. Восторженное отношение к английской поэзии, к её мрачности. Всё это вяжется в единый духовный образ и, мне кажется, единственный в своём роде. Пока я не могу определить: из какой временной и возрастной дали разглядывает Гёте себя и своё прошлое. <...>

Только что звонили из «Советского писателя», что пришла вёрстка «Сказок времени»! Это грандиозно.

5 февраля

Эта вёрстка оказалась на редкость благополучной. Куда гослитовским до неё! Очень хороша работа ленинградского техреда. В любой такой работе ленинградцы более грамотны, техничны, любят своё дело. А москвичи, особенно за последние годы, стали какими-то дилетантами, недоучками, а уж насчёт любви нечего и думать. Один только серьёзный просчёт в вёрстке: все стихи сплошь набраны петитом. Между тем в «Сказках» есть цитаты из других поэтов: Пушкина, Лермонтова, Тютчева и так далее. Разумеется, они и должны быть петитом. Но есть и мои стихи, напрямую продолжающие текст, органически с ним слитые, – их, конечно, надо было набрать тем же шрифтом, что и основной текст. Может быть, это моя вина, я должен был предупредить об этом?

10 февраля

<...> Кашель у меня продолжается сухой, изнурительный. Может быть, и лёгкие задеты, но не ко времени думать об этом. Послезавтра совершенно обязательное участие в съёмке для телевидения о Луговском. Кровь из носа, но я буду на месте! <...> Это не долг, не должествование, а веление сердца. Мы собираемся, чтобы вспомнить близких, ушедших раньше нас. <...>

12 февраля

<...> Получил от вдовы Бенедикта Лифшица²² книжку его французских переводов, вышедшую в «Прогрессе». Я очень ратовал за неё несколько лет назад. Он, конечно, заслужил от всех нас – бедный посмертно реабилитированный, талантливый, своеобразный поэт-переводчик, эрудит, мастер.

13 февраля

Вчера вечером письмо от Саши Некрасовой. Занимается в философском семинаре, готовится к кандидатским экзаменам. Ищет тему, где философия соприкасается с литературой, спрашивает совета. Я, недолго думая, предложил сравнительно лёгкое и весьма обжитое: гегельянство у наших людей 1840-х годов: Белинский, Герцен (которого она любит), Грановский, Станкевич, даже Тургенев. Ей по начитанности это не так уж далеко, не так уж трудно. Важно, что она как-то сдвинулась с мёртвой точки. Пишет о зверских, садистских убийствах девушек в городе. Даже днём не рекомендуется ходить пешком и в центре города. Мы пялим свои подслеповатые, злобные, мутные глаза на Америку! А сами-то? Необходимо несколько показательных, широко освещённых в прессе судебных процессов и обязательна высшая мера наказания.

Заново записал для своей пластинки «Застольную»: в быстром темпе и энергично. «Неделю» видел только у Барановых, ниже этажом. Статья в общем хороша и названа (редакцией) просто отлично: «Гул трагедии». Великолепное название. Мне не пришло оно в голову.

<...> Смотрел сегодня по телевизору записанную третьего дня передачу о Луговском. Честное слово, она прекрасна. Рядом сидели обе Майки (Майя Луговская и Майя Кармен. – Сост.), Миша Львов с женой. Все мы и волновались и радовались. После того начались звонки. Первый от Владимира Михайловича, второй от Ираклия Андроникова. Поздравления, поздравления. Действительно, для телевидения это удача редкая, особенно для сухой и нудной третьей программы. С плеч свалилась гора тонн в десять.

14 февраля

От секретарши Константина Симонова пришли три его расшифрованные страницы для моей пластинки. Не говоря уже о том, что они очень лестные для меня, они и умны, содержательны, сжато и точно определено всё, что требуется. Секретарша сказала, что лента-запись была в чём-то дефектна, каких-то слов она не могла разобрать. Но я вижу, что не разобраны только отдельные слова и о них легко догадаться. <...> Так что, может быть, обойдётся тем, что есть.

Весь день писал, писал, писал письма. Начал с Тани. Шлю четырнадцать страниц в развёрнутый лист – мысли и соображения к её дипломной работе: об Анненском, о символизме, французском и нашем. Писал свободно и с подъёмом. Может быть, и пригодится ей. Далее, поляку Галису, спрашивающему совета о переводе Блоковского «Возмездия»; Эткинду, Наташе Банк; Гольдичам. Явная польза в том, что когда пишу забываю о курении. <...>

15 февраля

Вчера вечером приходила Светлана-сказочница, подруга П. Бунина. Её сказки в прозе очень интересное явление. Тут и Дон Кихот, и Бах, и Гофман, и Гоцци, и Моцарт. За каждым образом стоит знание, выдумка, вкус. Хочу предложить в «Юность», но боюсь, что <их> отпугнёт интеллектуальность. Все говорят о ней: кто с тоской, кто с завистью, – но боятся смертельно. А вдруг, дескать, что-то есть, чего мы, грешные, не разнюхали.

С утра сдавал кровь в поликлинике, оттуда в «Неделю», получил всего два экземпляра со статьёй, завтра обещали гонорар. В Гослите лишний раз убедился в том, как разболтана эта громоздкая машина. Правда, как оказывается, первый том²³ целиком уже прошёл маленькую комнату, где сидит цербер из цензуры, прошёл без помех, да откуда им и взяться? Но шныряние между четвертым этажом, где редакция, и третьим, где производственный отдел, наблюдения за тем, как работает милая Лидия Михайловна Красноглядова, мой редактор с 1966 года, всё это в целом сводится к тому, что надо быть равнодушно терпеливым, чтобы не взрываться из-за каждого пустяка. Но, кажется, завтра первый том всё-таки идёт в Ленинград, т. е. тут же в печать.

Далее заехал за Майкой маленькой²⁴ (чёрт меня дёрнул) и отправился с нею обедать в ЦДЛ и тут мы немедленно обросли разношёрстной компанией во главе с Женей Евтушенко. Шло нецелесообразное время, пустая трепотня. Я не выдержал и, заплатив за всех 40 рублей, ушёл, почти не попрощавшись ни с кем. И это было самое умное, что было в этот дурацкий день. Сам по себе Женя совсем неплохой, сердечный человек, с глазу на глаз с ним можно говорить решительно обо всём и плодотворно, но он так легко оказывается в шумной компании, так теряет себя, так фигурирует бог знает чем, что святых вон выноси. Вот я и был святым и сам себя вынес.

16 февраля

Признаюсь, что я ждал если не звонка Козинцева, то письма от него. Он предпочёл позвонить, чтобы поскорее выразить радость от моей статьи. И я очень рад, что угодил ему. Да и могло ли быть иначе! О том, что такая статья будет, я понял ещё в Ленинграде, в ноябре, когда был на первом просмотре фильма, в тамошнем Доме кино. И если я увлёкся этой вещью безоглядно, то есть и бессознательно и сознательно, опуская все собственные возражения, смотря на них сквозь пальцы, то дело наше общее стоит того. Мне, например, совсем не нравится, что Лира пришлось озвучивать по-русски Гердту. Не нравятся все три дочери. Но честное слово, целое в его совокупности и работа режиссёра, как таковая, перекрыли и сплывили явные промахи ценой таланта, увлечения, прозорливости общего замысла. Найдено больше, чем утрачено. Так что совесть моя чиста. Я не погрешил против той правды, которой вообще служу по мере сил. <...>

17 февраля

<...> Так идут эти дни, суматошные, внешне чем-то занимательные, но изнутри полые, без ядра и без семян. Во всём обречённость. Обречённость на неполноценность жизни. На труд – не тот, для которого я рождён: я далёк от Поэзии, как никогда. На жадность, которая сама по своей природе неутолима. И ещё на многое, чего и не перечислить. <...> И, прежде всего, обречённость на то, чтобы растеряться, так и не собрав мыслей. Кажется, я точно определил это состояние, ей Богу невесёлое!

18 февраля

Милое, короткое письмо от Первомайского, на которое тут же ответил. Странно, что как раз ночью он приснился мне: телепатия работает на славу. Олег Лозовецкий предложил мне перевести кое-что из Готье. Прочёл весь *Vieux de la Vieille*, это здорово и мне очень подходит. Звонили с телевиденья, хотят записать мои неопубликованные стихи. Договорились на вторник. Утром звонил Эткинду. Кусками автобиографии, которые я послал ему, он доволен. Был в «Неделе», вставил в стихотворение «Память» новую строфу:

Жил в Кремле окаянный Грозный
В смрадный грех по горло одет,
А его отливал из бронзы
Достославный скульптор, мой дед...

20 февраля

День начался приездом Кирсанова и полдня я провёл с ним. Человек очень редкого таланта, выдумщик на славу. В языке и ритме он царь и бог, как наверно никто из ныне живущих русских поэтов. За его плечами и великолепное признание и жёсткое идиотское битьё за «формализм». Он моложе меня на целых 10 лет, но близкое соседство на Пахре и постоянное общение очень нас сдружили. У нас отношения равных. У нас слаженный дуэт – никогда не определишь, кто первый начал.. Но он очень несчастен. Тут и слишком молодая жена, и какие-то черты его характера (об этом ходят злоречивые слухи, но чёрт с ними). Тут и неизлечимая, изнурительная болезнь, тяжёлый протез во рту – результат операции, варварски сделанной в 1965 году в проклятой Кремлёвке.

Получил номер «Невы», где напечатана статейка Н. Банк о книге Левина мне посвящённой. Статья милая, благожелательная равно и к автору и к герою.

21 февраля

Коренная ошибка нашей жизни, Зоинной и моей, коренной её грех в том, что у нас не было ребёнка. О том, как и отчего это произошло, надо говорить отдельно. Сейчас о другом. И не о том, что будь ребёнок, будь это живое создание, в нём осталась бы хоть частица Зои, её души, её духа... О, не об этом. Рождённое ею, вскормленное и воспитанное ею существо сильнее и крепче привязывало бы её к

жизни, к бережности по отношению к самой себе. Вот в чём дело. Мне только сегодня, не знаю почему, пришло это в голову. Она не отталкивала бы от себя врачебную помощь. Её жалостливая заботливость, тревога обо всём живом заставили бы её и себя беречь.

Приходит в голову еще одна мысль. Может быть, она почувствовала после смерти матери, что никому не нужна? Неужели так было? Неужели во мне заподозрила она отчуждённость? Неужели я дал ей повод к подозрениям? В чём могли они проявиться? Всё лето и всю осень 1968-го мы очень хорошо и дружно жили. Если были споры, то политические, и Зоя хорошо знала: я думаю во многом как и она. Она и не скучала, захваченная своей спорившейся работой: маски, Леда и Лебедь, Горгона. Она видела, что всё ей удаётся, близится к совершенству.

Все концы и начала ушли вместе с нею в землю, в январскую мёрзлую со снегом и глиной пополам... А земля молчит, как сама Зоя.

22 февраля

Сегодня с утра мне вернули несколько карточек Зои из редакции журнала «Театр», где хотят печатать воспоминания о ней Лондона. Нужны ещё снимки – тогдашние, 30-х годов, в Сергаче и фронтовые. Их подбирают.

Отдал в «Мелодию» три страницы, написанные Костей для конверта моей пластинки, а в «Вопросы литературы» – свой декабрьский доклад на симпозиуме Президиума АН СССР. Решил, что нет расчёта дожидаться, пока вытанцуются задуманный сборник: в Академии Наук всё делается со слоновой медлительностью, года два-три, не меньше. <...>

От Саши Некрасовой ещё одно письмо: признаётся в своей склонности к самоанализу. Скорее уж к самоуничтожению, а оно – обратная сторона самовозвеличения. На эту тему пишу ей длинную рацею. Про себя скажу, что совершенно лишён всякой способности к самоанализу.

Получил от Эткинда его новую книгу «Разговор о стихах», успел бегло полистать её. Кажется, интересно, но уж очень разбросано, а по методу, по существу замысла диаметрально противоположно мне, моим убеждениям и взглядам на поэзию. Он – аналитик, я – синтетик, знаю и верю только в мировоззрение поэта как человека и отсюда могу вывести всё остальное. Иначе мне просто скучно.

26 февраля

Весь день пребывал в совершенном маразме. Причина, разумеется, одна – водка, трижды проклятая. Она противопоказана мне, как ничто другое, а я вчера не рассчитал своих сил. Много спал, спал бы ещё и ещё. В голове туман. Однако, перепечатал статью о Кирсанове. <...>

Событие произошло сверх всякого ожидания! У меня на столе верстка второго тома²⁵ – шестьсот двадцать страниц. В первом на сотню меньше. Ещё бы! Ведь второй охватывает время от начала войны до семидесятого года. Шутка ли. Я внимательно читаю вёрстку, за день осилил около половины. Вёрстка сравнительно благополучна. Раздражают запятые – их вдвое больше, чем велит смысл, и низкая

грамотность техреда: строфы разбиты как попало, с переносом одной строки на следующую страницу. Такого безобразия никогда ещё не бывало! Всё это – знак времени: нет глаза, чтобы следить за мелочами... Но разве это мелочи?

27 февраля

Вёрстка не только «сравнительно благополучна», но чем дальше, чем ближе к концу, тем она благополучнее – за исключением работы техреда. Опечаток почти нет. Пестрят лишние запятые, а от этого зла я страдаю лет тридцать по меньшей мере. Беда в том, что корректорши настаивают: у них на столе – правила. Толковать их свободно, сообразуясь со смыслом, никто из этих бледных страдалец не решается. <...>

28 февраля

<...> Возня с вёрсткой очень кропотливая, всё по причине неряшливой работы техреда. Разбивка строф, вплоть до того, что одна строка переносится – чуть ли не на каждой странице. Как справится с этим московский техред – не представляю. Просить о том, чтобы техредактура делалась в Ленинграде, – неудобно. А сидеть рядом с этой московской девицей и тыкать пальцем на свою правку тоже глупо.

День начался у меня в полдевятого. 10 градусов мороза. В Москве, небось, меньше. Пахринский дом, сам по себе, упоителен. Зоины руки, её заботливость, её выдумка, её мечта о будущем нас обоих на каждом шагу. И когда перечитываю во втором томе не только то, что впрямую говорит о ней, но и всё остальное, начиная с 1957-го года, снова и снова, с каждой страницей, она становится всё ближе и ближе. Так же как и альбомы с фотографиями, так же как и её скульптуры. Памятник на Востряковском кладбище существует вне этой жизни, бьющей через край и занимающей всё моё сознание, всё поле зрения до края горизонта. <...>

Месяц февраль кончается. До моего 75-летия осталось четыре месяца. Очевидно, я как-то с грехом пополам проживу их так, как жил эти два года. А дальше?

1 марта

Окончательно решил снять во втором томе триптих «А.Н.Н.». Он не может заканчивать два моих поэтических тома, никак не может. Вся моя поэзия целиком посвящена З.К.Б. Посвящения Ии Саввиной²⁶ не в счёт – они литературно-товарищеские. <...>

4 марта

<...> Вчера Кипса и Катюша были на «Преступлении и наказании» у Завадского. Катя, едва раскрыла дверь, с сияющим лицом: «Дед! Я с тобой согласна!» На неё всё представление произвело очень серьёзное и сильное впечатление. На первом месте ставит Ию. Бортников понравился меньше. <...>

От Козинцева пришло интересное письмо: защищает своё пристрастие к прибалтам, ругает наших в откормленности. Утверждает (и тут он прав), что актёр, игравший деда Щукаря или волевого полковника милиции, Шекспира уже не сыграет... <...>

9 марта

<...> Забрал «Сказки» Светланы из «Юности»: не подошли – дескать, «книжные»²⁷...

В Театре Моссовета «Миссис Севидж» – увы, не Юрина постановка. Ф. Раневская, Ия, многие другие отличные актёры... Прежде всего, какая пьеса!!! Если бы у нас кто-то такую написал, ему бы голову оторвали!.. Но Фаина Григорьевна! Но милочка моя Ия! Три раза ходил за кулисы и шатался как пьяный... <...>

10 марта

«Сказки времени» прошли цензуру без единого замечания. Сударыня Фортуна сыплет на меня из рога изобилия каждый день. К чему бы это?... Трусливая душа уходит в пятки и там её подташниковат... А вдруг не к добру? «Сказки» уже ушли в Ленинград, судя по вёрстке, подписанной в печать.

Из головы не выходит вчерашний спектакль. Фаина Раневская так трогательна, беззащитна и так остро, пронзительно умна, что это близко к Михаилу Чехову, человеку гениальному. А Ия с её тонким голосом, смешливая, в глупеньких очках, стройная, ребячливая на этот раз комедиантка в старинном французском смысле слова *comedienne*. Да и другие отличные актёры, особенно мужчины. Тут и несчастные и мерзавцы... Словом, это вещь! Говорил с Ф. Г. Раневской по телефону. Всё сказал, что здесь написано (увы, про М. Чехова забыл!) Очень хочу пойти к ней, хорошо бы с Ией, с Беллой.

11 марта

<...> Вечером у Беллы. Прямо скажу: с восторгом встретился с нею, с её вниманием, с её бедой, с её глазами. Вот единственная из всех, ради которой я жить могу и умереть... Нет, нет, это очень далеко от обычного. Она вне порочного помысла. Она и дочь мне, и младший товарищ, и спутница и в высшем, неземном значении. Все остальные – ничто перед нею. Но Геннадий²⁸ может быть совершенно спокоен! <...>

12 марта

<...> Приходил Стасик Лесневский с новыми письмами по Блоковским делам. Я подписал все, какие нужны или не нужны. Важно, что этот милый и прекрасный энтузиаст не покладает рук. <...>

13 марта

Сегодняшний день с самого утра волей жизни и желания посвящается Володе Луговскому. Я думаю, как и что должен или хочу сказать о нём вечером. Решили начать с эпитафии из Тютчева:

Одни зарницы огневые
Воспламеняясь чередой
Как демоны глухонемые
Ведут беседу меж собой.

Конечно, глухонемые, если речь идёт об ушедших навсегда. Но и зарницы, потому что слово осталось, книги остались. Прочту «Курсантскую венгерку». Скажу о «Середине века»... <...>.

26 марта

Утром получил несчастный гонорар за стихи в «Неделе» – меньше 30-ти рублей. Вернулся домой, зайдя сначала в магазин французской книги. Купил для Кипсы Модильяни и роскошное издание «Камни Руси». Переписал для Браунов «Княжну Тараканову» вместо того, чтобы её напечатать ещё раз на машинке. Дома пообедал, почав коньяк, принесённый бакинцами третьего дня. <...>

Спал днём, снилась какая-то чепуха об определении того «что такое коммунизм» – сон тупой, надоедливый, вяз в голове, как во рту. Проснулся и дикая боль в сердце. Такой ещё не было ни разу. Варя вызвала Машу Синельникову. Общими усилиями вызвали неотложку. Но пока явилась замученная женщина-врач, у меня всё утихло. Она сделала какой-то невинный укол. Маша ещё посидела немножко. Сейчас ушла. Вот как может кончиться мой день. На этот раз он не кончился. От Танюшки письмо милое, глупое, но эпистолярное дарование в каждой строке. Уже ответил. Прислала карточку давнюю, верхом на ишаке, где-то на Тянь-Шане. Лет ей тогда 16-17, толстая, смешная, как клоун.

27 марта

Вчера Фаина Раневская сочла нужным сказать мне, что позвонила Рите Алигер и помирилась с нею. А ссора их была на почве того, что Рита сохранила в переизданиях своей «Зои» упоминание Сталина с положительным знаком.²⁹ Всё это я услышал от неё в «Национале» за обеденным столом и тут же постарался переубедить неугомонную старуху в неправоте и неправомерности её суждений. На неё это, видимо, подействовало. Так что моё вмешательство сыграло некоторую роль. <...>

28 марта

Читая впервые отрывки из политических высказываний Ромена Роллана (*Éditions sociales*, 1970 г.), всё-таки я вижу его таким, каким необходимо видеть этого человека, сделавшего слишком много на своём веку (79 лет!), чтобы остаться

незамеченным и непочитаемым, как мне это часто казалось. К нему стоит вернуться: основательно, особенно, может быть, к Жану Кристофу. В молодости я отбросил эту многосерийную книжищу, считая её пустой и фальшивой. Было ли у меня такое право?

Полемика (скорее, принципиальный спор) сначала с Барбюсом, потом вообще с французскими коммунистами, его отстаивание свободы мысли, собственного идеализма, пристрастие к Индии, к Р. Тагору и Ганди,³⁰ – всё это от первой мировой войны вплоть до второй, до его собственной смерти, являет важный и нужный урок. Ведь и последующее развитие событий, хотя бы смерть Сталина и всё, что за ней последовало, целиком укладывается в образ того идола, против которого боролся Р. Роллан. Он не виноват в том, что оказался прозорлив!

30 марта.

День, слава создателю, спокойный. О том, что съезд начался, я позабыл. Утром пришла Марина Тарасова³¹ из «Современника», принесла свои стихи, в которых много интересного и живого. Она побывала везде и всюду, наблюдательна. Зрительные образы у неё рельефные, неожиданные и поэтически точные. <...>

И вот я у Беллы с бутылкой коньяка. Тут же мы сообща решаем оставить эту бутылку несчастную у неё, а сами с Геннадием и его сыном мчимся в ЦДЛ: там какой-то молодёжный вечер, ждут её и меня, чтобы мы выступили. <...> Вечер ведёт Инна Кашежева. Белла читает о «литературоведах», о Марине, в конце обо мне. Я вышел, сказал несколько слов и прочёл «Балаганного зазывалу». Потом сели за стол, ничего не выпили. В полдвенадцатого я уже дома. <...>

31 марта

Итак, последний день и вечер марта, и для него осталась целая страница. Чем же, какими «итогами» или просто мыслями заполнить её? <...> Спектакль «Миссис Севидж», гениальная Фаина Раневская... Нерушимая, горькая и счастливая дружба с Беллой... Чистота этой дружбы, наше братство: в поэзии, в отношении ко всем, кого мы знаем и любим... Или, может быть, сигнал первого тома и чистые листы «Сказок времени»... Или несколько выступлений и овации после них... Да, да, всё это, конечно, было, есть и поддерживало меня, даже очень. Но были и сны, когда внезапно возникала бессмертная, вечная Зоя – и тут сердце разрывается, череп разламывается на куски и нет конца горю-злосчастью...

Вспоминать о прочитанном, даже о Гёте, как-то не хочется. Оттого что само чтение стало для меня признаком собственной слабости, слишком лёгкой возбудимости. Ах да! Второго марта – день рождения Ии Саввиной – возврат прошлого и 1969 года... Она мне тоже очень дорога. Недаром во втором томе два посвящения ей, на которых я просто настаиваю как на решенье творческом, обязательном внутренне для меня. <...>

1 апреля

День пустой. Всё время дома, в халате и туфлях, небритый – ни дать ни взять Анатолий Франс. Утром был юноша Феликс Кузнецов³², добывший на чёрном рынке на Пушкинской улице мою первую книжку 1922-го года за двадцать целковых. Надеется, что по моей просьбе там же достанет двухтомник 1966 года.

Приходил также Стасик Лесневский. Снова тревоги о блоковских делах: в секретариате СП СССР было какое-то совещание по этим делам, но нас на него не позвали! Безобразия. Я написал Маркову об этом и Стасик отправит письмо заказным, дабы оно было зарегистрировано в бюрократическом учреждении и наверняка попало в руки адресата. <...>

Получил от некоего Я. Гордина (вспомнил – хорошо знаю его: 2 июня 1964 года водил Зюечку и меня в Святогорский Монастырь) номер журнала «Север» с интереснейшей статьёй «Север в русской поэзии». Обо мне интересно и много.

Написал рекомендацию Марине Тарасовой.

3 апреля

Так вот о вчерашней съёмке на телевиденье. Участвовали в ней Григорий Абашидзе³³ как гость, именинник и делегат съезда, Межиров, Тарковский, Винокуров, Огнев³⁴ и я. Я сделал маленькое вступление-приветствие Григолю, прочёл короткое его стихотворение в моём переводе, затем последовательно предоставлял слово: Огневу, Межирову, Винокурову, Тарковскому, и в самом конце Григолю! Нечто вроде короткой репетиции продолжалось 22 минуты, но как только начали снимать – бац! – заела техника. Пришлось начинать сначала. Таким путём всё вместе взятое продолжалось часа полтора. После чего автобус развозил всех нас в разные концы Москвы. Очень утомительно. Милее всех был Тарковский. Саша Межиров, как всегда, странный и отчуждённый.

Весь день сегодня у меня Владимир Михайлович, потом был Тува Лондон, а следом пришли Межиров и Николай Тарасов³⁵. Саша читал прекрасное стихотворение о сербских битниках. Это на высоком уровне задора, артистичности и на славу выгравированных формулировок. Но его суждения о поэзии, о рядом стоящих поэтах, как всегда, странны, изменчивы. Особенно возмущает меня, даже приводит в содроганье непонимание Беллы. Тут мы – антиподы <...>.

5 апреля

Всё утро в Гослите. С техредом основательно просмотрел последние листы второго тома, и вот они могут уже идти в Ленинград. Это серьёзное дело и оно как будто свалилось с горба. Перед тем заехали к Фаине Раневской, отвёз ей «Повесть временных лет» и книжку Левина, надписанную им и мною. Сверх того, взял в «Вопросах литературы» весь материал, чтобы, согласно их желанию, оставить только то, что относится к XIX веку, и закончил Блоком. Пускай будет по-ихнему.

А вечером, как мы условились, с Григолом Абашидзе поехали в ЦДЛ. <...> К нам присоединились В.Луговской с женой и В.Огнев. Но грузины страшный народ: по счёту платил один Григол, отстранив меня. Потом я всех развёз. <...>

9 апреля

Наконец-то я исполнил давнишнюю просьбу Льва Озерова: написал ему письмо с изложением, насколько позволяла память, своего разговора с Пастернаком в 1956 году относительно отправки им за границу «Доктора Живаго». Лёва просил написать ввиду того, что об этом разговоре ходят разные слухи, в которых я фигурирую в неблагоприятной роли. Об этих слухах я ничего не знаю, но очевидно обязан что-то им противопоставить.

Вечером в ЦДЛ, в малом зале, происходило нечто неожиданное и грандиозное. 80-летняя Серафима Бирман (при помощи Ии Саввиной) читала повесть о своих сложных и острых взаимоотношениях с Эйзенштейном в годы войны, когда он ставил вторую часть «Грозного». Рассказ Бирман – это рассказ о совести в искусстве, и в такой блестяще отточенной форме рассказ, который редко находишь и у писателя. Ия была вторым голосом, дискантом в этом дуэте. Она читала всё, что было не по силам самой Бирман. <...>

11 апреля

<...> Вечером Коля и Маруся Брауны и моя сестра Надя. Между нею и Браунами легко завязывается разговор на тему, всем трём достаточно близкую. Ведь Надя тоже бывшая каторжанка в той же Потьме, чуть ли не в том же лагере, где сейчас бедный Коля, сын Браунов³⁶. Много страшного было рассказано о теперешнем положении в тех местах. Оказывается, оно ещё хуже, чем при Сталине. Тогда, по крайней мере, и посылки с продовольствием разрешались, и кое-какие послабления в режиме. Но следствие до приговора и тогда было ужасным. Затем я прочёл две сказки «Незванный-негаданный» и «Парижские встречи». Браунам очень понравилось и я тоже чувствую, что это удача, какой у меня ещё не было. Скорее бы вышла эта маленькая книжка! <...>

13 апреля

Женя Евтушенко обратился ко мне, предложив написать Брежневу о том, чтобы первым секретарём Союза был обязательно К. Симонов. Сегодня я поехал к Косте и очень быстро понял, что он ни за что не согласится занять такой пост. Заодно привёз ему первый том и «Медную лиру»³⁷. Костя готов редактировать какой-нибудь новый журнал, но отрешивается как от чумы от этого сана. Предполагает, что Марков (член ЦК) будет здесь на своём месте. <...>

В магазине на улице Веснина только сегодня открыли подписку на меня, 10 подписчиков уже есть. Там, где живёт Владимир Михайлович, 25 отпущенных подписок разошлись в первый же день.

20 апреля

<...> От Игоря Кравченко поэма «Старый шкипер». Это вещь настоящая и стоящая, добротные стихи, много реалий. Хороша главная фигура. Ответил автору поздравленьем и напросился на то, чтобы он посвятил поэму мне.

24 апреля

<...> Сверка (я начал её с конца) чем ближе к началу, тем хуже. Моя техред и на этот раз обнаружила малую грамотность, особенно в «Переулке за Арбатом»: строфы разбиты как попало, не соблюдены элементарные правила переноса со страницы на страницу. В поэтическом тексте это немыслимо. Но бороться с этим – значит, нажить опечатки в чистых листах – в этом я убедился на опыте первого тома. Тут всё время идёшь по болоту, где-нибудь да увязнешь... Но знаю об этом и страдаю от этого только я один. Ни начальство, ни редакторá, ни торговая сеть и в ус не дуют. Всем только бы сбыть с рук. В этом и утешение своего рода, ибо книги расходятся, читатели привыкают к опечаткам. Кстати, подписка на меня идёт во всю. На Кузнецком мосту тысяча подписок, если не больше, прошла в два дня.

Получил из секретариата СП СССР глупейший, бюрократический ответ на запрос о блоковских делах, который я послал ещё 1-го апреля. Такова эта ржавая машина Союза Писателей. Её скрежет слышен во всех мероприятиях. Надо поставить очередную галочку, и разбухший до ужаса штат секретарей засвидетельствует, что всё исправно. Лишь бы начальство было довольным. Творческой организации как не бывало уже больше десяти лет. Сволочи!!!

30 апреля

Грузинская съёмка прошла, как полагается, с опозданием на час, но всё-таки прошла, кажется, хорошо. Неожиданное появление М. Луконина, который тоже включился в неё. Оба мы выступили, он вслед за мной, здесь, на улице Щукина, что и для него символично, для меня тем более.

Утром звонил Тане, поздравил её и обрадовал тем, что все её семь стихотворений будут в «Смене». Она ответила, что будет пить валерьянку; я предложил танцевать качучу.

1 мая

Май пришёл ненастный, небо затянуто сплошь, 7 градусов тепла. Крыши мокрые. По телевиденью Брежнев, не сняв шляпы, читает по писанному всё, что полагается. Его прерывает гул «ура!!!..», раскатываясь по Красной площади. «Государство, идол мой».³⁸ Посмотрим, чем будет чреват и нищ этот пустой, обречённый день.

Часа в два повалил частый мокрый снег и тут же внезапно грянул гром. «Люблю грозу в начале мая». В первый раз за всю мою жизнь могу повторить строку Тютчева с полным основанием. Правда, гром грохотал не «в небе голубом», а в таком изжёлта-сером, какого и зимой не бывает.

В третий раз отстукав на машинке перевод «Инес де ля Сьерра» Готье, я, кажется, сделал всё, что мог, дальше не стану прикасаться к нему. Моё стремление сделать некое подобие испанских романсеро выполнено не совсем, ибо рифма обязательна, а в романсеро её нет. Но ритм – паузный трёхстопный амфибрахий – соответствует делу; к тому же он придаёт нужную небрежность переводу с французского, который скован своим синтаксисом. Большинство русских поэтов, переводящих французов, уродливо и рабски придерживаются если не французского ритма, то синтаксиса, немислимого в русском.

По телевидению ради 1-го мая фильм 1933-го года «Цирк» Александрова. Орлова, Масальский, Михоэлс... «Я другой такой страны не знаю».³⁹ Всё вместе: нелепое, талантливое, сверх меры нагромождённое и правдой и ложью, – сейчас, через сорок лет, всё-таки трогательно до слёз. От того, что это мы, Зоя и я, какими тогда мы были, как свято верили, как были молоды, как не знали будущего ни своего, ни близких нам, как любили друг друга.

2 мая

Ленинградцы замечательные молодцы! В ответ на мою просьбу по телефону (29-го) они уже прислали восемь недостающих колонок в «Сказках». Так что у меня полный чистый экземпляр, не хватает одной обложки. Ясно, что книжка в мае выйдет⁴⁰. Стоит она 41 копейку. У нас очень странная политика книжных цен. Были бы дороже, лучше печатали бы, больше платили бы рабочим, а выигрыш у читателей. Кто платит 40 копеек, заплатит и рубль и полтора. <...>

6 мая

<...> Вчера вечером был Феликс Мендельсон с женой. Мы с ним вдвоём осушили поллитра. Он человек безусловно талантливый. Прочёл ему «Парижские встречи». Кому было читать их, как не переводчику Вийона?! <...>

Вчера мне звонил некто Кошечкин из «Правды», просил написать о двухтомнике Сергея Васильева. Я охотно сделаю это. Васильев мой друг. Двухтомник сегодня принесла Галя, его жена.

7 мая

Утром вздумал ещё раз отстукать на машинке два новых перевода Готье и тут же убедился, что работы ещё уйма. <...> Далее – был в издательстве. В течение трёх часов корпел над сверкой. Кажется, всё в порядке. Множество опечаток, которые я и не заметил, обнаружила корректорша. С Лидией Михайловной мрачно и тревожно гадали: к чему может придаться Главлит⁴¹? Она предчувствует осложнения в «Смуте»: Грозный тщится воскреснуть. <...>

12 мая

<...> На столе записка Кипсы. Крупно: «Ура! В Гослите всё в порядке.» Это значит, что второй том прошёл и огонь и воду и самые узкие медные трубы цензуры. Я чуть не заревел, прочитав это. <...>

19 мая

Был в ЦК у Нины Ивановны Трофимовой. Вообще она в курсе того, что сделано по Блоковским делам: Шахматово, выставка в Тараканове, ленинградские дела – мемориальная доска, музей в доме где умер Блок и т. д. С нами у неё благожелательность и единомыслие, полный контакт. Но и полное бессилие (а не нежеланье) помочь. Она так же зависит от министерств, от Академии Наук, от СП, как и мы. Подарил ей первый том. Женщина милая, но само пребывание в этом доме накладывает неизгладимый отпечаток беспомощного сверхведомственного бюрократизма. <...>

10 июня

Сейчас говорил с Кипсой по телефону. Полный восторг от «Генриха IV» в БДТ. Катюша говорит: «Приеду и ещё раз скажу – деда, ты прав!» Сегодня едут в Таллинн. <...>

20 июня

Араб Адонис⁴² на прощанье подарил мне книжку «*Pouchkine par lui-même*» (*Éditions du Seuil*) и скажу прямо, я совершенно не ждал, что смогу извлечь из неё Пушкина как новое для себя самого; автор *Jean Louis Backès*.⁴³ Новизна в том, что Пушкин увиден глазами читателя свежего, восхищённого и стремящегося увлечь других французов, для которых Пушкин всего только звёздная туманность. Обычного у французов скепсиса, недоверия и высокомерия к иноземным писателям нет и в помине. Всё наоборот. Вот и делает этот Жан Луи открытия, которые нам не приходили в голову, открывает целые матрёшки в «Маленьких трагедиях», в «Повестях Белкина», в «Полтаве». Он очень аполитичен, вскользь и равнодушно говорит о ссылках Пушкина, о декабристах, даже о гибели Пушкина. А книга прелестная!

26 июня

<...> Кипса успела вызвать Анатолия Исаевича и он решительно запрещает мне идти на съезд. Аргумент, которым он обезоружил меня: если со мной что-нибудь случится там, в Кремле, с него, Анатолия, голову снимут. А там только кремлёвские врачи, и я хорошо знаю их: угробят по неграмотности, анкетные остолопы. Между тем, у меня физически всё в порядке. Значит, всё дело в мозгу. Сам не знаю, как отнестись к этому. Неужели опять работает инстинкт самосохранения? Как у кошки и таракана? <...>

27 июня

<...> Получил, наконец, номер «Смены», где помещена подборка моих писем Афанасьеву. Это выглядит красиво, но свидетельствует только о неумеренных моих похвалах. Ведь я не только захваливал Афанасьева, но и ругал его сильно. Но не он виноват в тенденции, а Богучаров⁴⁴, с которым я не в первый раз сталкиваюсь на этой «почве», он от роду оголтелый.

28 июня

Вчера вечером пришли Костя Симонов и Женя Долматовский. Предмет обсуждения: как быть с моим отсутствием на съезде. Я уже совсем примирился с этим своим «интересным положением» (как беременная женщина). Оба они были очень милы и трогательны; много хохотали, «интеллигентно» пили чай с кексом, ели черешни. Придут 1-го.

29 июня

В «Литературной Газете» написано, что я в числе других членов секретариата Съезда. Не знаю, в чём мои обязанности. Сегодня днём обещал придти Костя с абхазским поэтом Шинкубой. Я разоделся и принарядился как на съезд, как буду и завтра. Поздравление от Московской Организации Писателей с подписями В. Ильина, Арк. Васильева, Медникова⁴⁵, ещё чьей-то.

1 июля

Понемногу собрались все, кого я ждал. Сели по порядку: Андрей и Мила, Леночка, Володя Орлов, Олег и Лена Лозовецкие. Дальше пошло гуще: Костя и Лариса, с ними Баграт Шинкуба, Гюльнара Каладзе с внучкой. Дальше Рита, Женя, Микола и Леонид. Ах, да, ещё Белла и Геннадий. Последний пришёл Карло Каладзе, выступавший перед тем в ЦДЛ. <...> Стол был шумный и дружный. Пока не было Карло, я был томадой, потом передал ему бразды правления. Он неистово шумел и, как всегда, спасало его отменное чувство юмора. Белла была волшебна. Читала стихи. Я прочёл заключительные две главы поэмы. Обо мне все говорили очень хорошее. Очень много вспоминали наш дом в годы Отечественной войны. Первое сказанное мною было о Зое, о её присутствии за этим столом. Умилял меня Женя Долматовский. Леонид удивительно сильно говорил о том, как Женя вернулся из плена в Воронеж. Все в один голос удивлялись речи К. Симонова на съезде как о единственно живом и нужном, что было произнесено за эти дни, об овации, которую он заслужил. В. Орлов избран членом правления СП СССР. Грибачёв сильно сел в лужу – Чаковский дал ему очень язвительную отповедь.

5 июля

День начался в полвосьмого. В четвёртый раз переделал и перепечатал стихотворение. Оно безусловно удалось. Только что звонил Болховитинов⁴⁶, сейчас

приедет ко мне. Погода мерзкая, небо обложено сплошь, льёт дождь, письма продолжают идти. Среди них от Наталишки⁴⁷ – с новым адресом и до востребования. Недолгое время пробыл Болховитинов, назвал стихотворение «гениальным» и вцепился в него. Я подарил ему «Сказки» и пластинку. Только что, уже в 8-м часу, он звонил, продолжая выражать восторг, но, увы, стихотворение пойдёт только в сентябре. Зато его всячески выделяют на отдельной странице, а может быть, и в виде моего автографа. <...>

9 июля

<...> Итак – Пахра. Нуждаюсь ли я в таком обалделом покое? Не застопорится ли у меня работа, не закупорится ли голова? И не значат ли все эти вопросы, что я просто растерян и забыл, ради чего ещё живу на земле? Все эти противоречивые определения собственного состояния неуместны. За ними стоит мелкое тщеславие и слишком запоздалое влечение к женщине, причём неизвестно, к которой из двух или из трёх. Но когда Кипса или кто-нибудь ещё говорят, что этим я окончательно гублю себя, то здесь они ошибаются. Всё-таки я поэт, а не кто-то другой. Я отвечаю перед совестью своей за то, что грешен. Тот Бог, которому я служил всю жизнь, не покинул меня и в этом возрасте. Я должен быть собою.

11 июля

Отпечатал всю поэму за исключением двух последних глав, самых замысловатых. Получилось 32 страницы. «Мощи Александра Невского» включены. Значит, жизнь Петра в целом достаточно показана. <...>

13 июля

Вот и напечатана вся поэма целиком. На какое-то время она свалилась с плеч. И я постараюсь даже не перечитывать её, не заглядывать в рукопись. В ней наверно много провалов и явных неудач. Может быть, это вообще безголовый уродец с лишними руками и ногами, результат облучения ещё до рождения. Попросту я не знаю, что натворил. И вот не зарекаюсь от того, чтобы отречься от такого ублюдка. Чтобы судить сколько-нибудь здраво о нём, нужна ясная голова и, главное, независимость, свобода мысли и чувства. Пускай работает время. Никому читать поэму не дам. Сейчас это вредно в обоих случаях: похвалят или разругают, одинаково. Надо снова взяться за сказочную прозу.

Идёт многосерийный фильм «Сага о Форсайтах». Необыкновенно, до мозга костей, до последней кровинки английский, с английским юмором, с английским обаянием, со всеми мелочами буржуазного быта, респектабельности, с собаками, лошадьми, старушками и несколькими очень хорошими актёрами. Лучший из них тот, кто играет Сомса. У Голсуорси он тип отрицательный, а здесь это одухотворённое, прекрасное, энергичное, страдающее лицо. Смотреть интересно, но не захватывает, не волнует, несмотря на настоящие страсти, которые пока ещё только медлительно нарастают, угадываются. Ирен не так хороша собою, как

хотелось бы. Зато старики и старушки все великолепны и к тому же действительно кажутся роднёй друг другу.

14 июля

Вот, вчера я любовался англичанами по телевидению, а сегодня читаю удивительного мизантропа, ненавидящего прежде всего и всех – собственных соотечественников. Это писатель Ивлин Во. И первый его роман «Пригоршня праха» – настоящая клевета на английских леди, а уж второй (я ещё не дочитал его) – клевета на всю Англию в первые месяцы Второй Мировой. Всё искривлено, перекорёжено, разрезано на короткие главки: монтаж, напоминающий шизофрению. Почему-то в предисловии это выдаётся за стоящий товар. Мне интересен этот роман – образец того, как нельзя писать о родной стране.

Ничем другим краше телевизионных впечатлений закончить эту страницу я не могу. «Сага о Форсайтах» разворачивается и драматично и с хорошей выдумкой режиссуры. Сомс продолжает нравиться мне, это великолепный актёр. Но сверх того, идёт наш фильм «Вызываю огонь на себя». И вот наш бьёт английский. Оттого, что правда народных страстей и бедствий выше всего, что могут придумать на туманном острове, где когда-то жил Шекспир. Наш фильм о подпольщиках в оккупированном городке под носом у немцев. Чудесная артистка Касаткина. <...>

16 июля

Наверно, я принадлежу к тому очень распространённому типу людей, о которых сказано у Некрасова: «Что ему книга последняя скажет, то ему на душу сверху и ляжет». Это обнаружилось только что в споре с моим внуком Андреем, когда мы пытались уточнить два понятия «Жизнь» и «Разум». Я пользовался теми определениями, которые запомнил из книги Шкловского «Вселенная, Жизнь, Разум». Андрей возражал примерно в том плане, что эти определения преждевременны. Он, математик, поглощён более насущными, сегодняшними задачами и тревогами, а я, так сказать, на досуге и даю волю воображению. Моя дочь считает, что наш спор где-то в XIX веке, что разрыв физиков с лириками в силе, что мы так и не договоримся, ибо не понимаем языка друг друга. Доля правды тут есть, но разрыв, я считаю, уже преодолевается. Преодоление идёт с двух сторон: физики озабочены им столько же, сколько лирики. <...> Речь идёт о двух разных способах мышления и познания мира.

19 июля

Перечитываю то, что больше всего поможет для поэмы, – курс Ключевского⁴⁸, главы о Петре. Они сжаты и суммарны, но отдельные живые черты, как всегда у Ключевского, очень выразительны и нужны хотя бы тем, что напоминают о другом живом и характерном, что известно из других источников. И тут попутно обнаруживается один из вопиющих недостатков моей поэмы: Пётр показан мало. Только в «Мощах Александра Невского» он живой и действующий. Остальное – лирическая декламация вокруг да около. <...>

20 июля

Из лекций Ключевского возникает картина в целом до того неприглядная, если не страшная, таким нелепым выглядит всё внутреннее правление Петра, так он сам неряшлив, что просто руки опускаются когда я думаю о своей поэме, о собственной моей позиции. Конечно, это впечатление – нужный и своевременный корректив к тому, что я написал и от чего отказываться не буду. <...>

24 июля

<...> Читаю следующий, пятый том Ключевского, о царствовании Екатерины II. Это чтение поучительное, а для меня и важное. Но до какой степени язвителен и желчен Ключевский! За всем этим угадывается его политическая позиция, не левее кадетской, то есть конституционно-демократическая. Отсюда ограниченность его критики, её догматизм. Выручает талант живописца, умение давать живые характеры, прекрасная школа и для нашего брата, берущегося за исторический материал. Но у Ключевского нет обаяния непосредственности, того чем силён даже Карамзин. Ключевский не первооткрыватель. Он пришёл к концу пиршества, не «посетил сей мир в его минуты роковые» и не был «собеседником всеблагих». Историк без пафоса, не вдохновлённый историей. <...>

27 июля

<...> Давно пора задуматься о сквозном действии. Прежде мне и не приходилось о нём заботиться, оно возникало само в ходе работы. Так было от «Робеспьера и Горгоны» вплоть до «Таракановой». Сейчас постройка барочна. Я повторяю то, что уже было сказано. Спрашивается: можно ли в барокко найти единство, сквозное действие? *That is the question.*⁴⁹ Настроение у меня меняется раза по три в день. Вчера я думал, что очень хочется спокойно работать. Сегодня, к концу дня, всё наоборот. Над всем главенствует усталость. Или остылость ко всему.

<...> По-настоящему я жду одного только 8-го августа в Шахматове. До него меньше двух недель. Я обязан решить, что скажу. И выглядеть браво, говорить звонко, без запинки. Быть как в Ленинграде и Пскове.

29 июля.

На моей дороге встало ещё одно существо, конечно женское, поэт Татьяна Глушкова.⁵⁰ Я заехал за нею к чёрту на кулички, на Павелецкую набережную и привёз в ЦДЛ, где мы с нею пили водку и обедали. Она и талантлива и уверена в себе и недостаточно уверена. Кроме того, мила. Коротко же, я лишний раз убедился в своей нетвёрдости, в отсутствии желания и силы – выбрать. Это означает только одно: никто, никакая женщина мне не нужна по-настоящему, но каждая нужна по-ненающему. Вот итог этого дня. <...>

31 июля

<...> Внимательно, трезво по мере сил перечёл всю поэму с начала до конца и, кажется мне, она уже вся написана. Чередование глав и событий органично. Много не требует правки. <...> Дай Бог утвердиться в этом суде над собою! Конечно, я ещё не один раз притронусь к машинописи, – иной раз оттого, что не удержусь, но будет и так, что с толком. *Dixi et animam levavi*.⁵¹ Боже мой, Боже мой, если бы только Зоя была рядом! – Вот за этим столом, читала, пела, строгала, чистила напильником или рашпилем, изредка поглядывала на меня... Все эти фотографии на стене пугают своей неподвижной противоположностью жизни. В том же духе и воспоминания, и восклицания, которых так много на этих страницах, и редкие поездки в Востряково, и вся моя жизнь трудовая и нетрудовая, но одинаково бредовая. <...>

Симонов ссылается на трудности с публикациями Германа, Булгакова... Куда ни обернись, всюду одинаково худо, если не сказать подло и мерзко. Бумага ежегодно разбазаривается чёрт знает на какую дрянь, на политическую макулатуру, торговые проспекты, ведомственную переписку. На художественную литературу идёт ничтожный процент. Всё это известно давным давно, но колымага стоит на месте. В других областях государственного хозяйства та же картина – видишь её своими глазами. Везде липа и враньё.

2 августа

<...> Опять и опять, заново и заново прибавляю в поэме строфы. Раз это дело идёт, значит всё на пользу. Значит мне есть что развить и укрепить. Тут своего рода философия истории – полемическая ересь, за которую меня могут и честить на все корки. Но позиция «выдумщика и сказочника вселенной» сама по себе неуязвима. Я буду на ней настаивать.

И по лесу бродил и выспался. Сейчас близко к девяти часам. Читал рукописи, пришедшие сегодня. Прочёл две. Один – человек с дарованием, другой – явный графоман. Но осилить того и другого, дать разумный и убедительный ответ – дело нелёгкое.

4 августа

Читать ничего не хочется кроме Ключевского – пятый том его курса: Екатерина II и дальше до отмены крепостного права. Во всём виден заядлый законовед, законник. Ни слова о Гоголе, Пушкине, Герцене, да и о революционном движении упоминается вскользь и походя. Условия цензуры здесь ни при чём. Ключевский даже не назвал Пугачёва⁵². Просто «волнения на востоке империи»... Откуда эта глухонемота: глухоты больше, чем немоты.

8 августа

Ну вот прошёл и этот замечательный день Блоковского праздника. Он прозвучал и сильно, и торжественно, и сердечно. Со мною были в машине Саша Некрасова, Таня Глушкова и Толя Миндлин. Хорошо выступили Андроников, Константин, Женя Евтушенко и особенно – Ст. Лесневский. Народу была тьма тьмущая, думаю, вдвое больше, чем год назад. И сами выступления продолжались вдвое дольше: не час с чем-то, а больше двух часов. О себе скажу, что по ходу действия решил ограничиться одним чтением «Вечной Юности», а пред этим воспользовался возможностью прославить Вл. Орлова, к чему присоединился и Костя.

16 августа

Говорил с Таней Калининой. Она клянётся, что в сентябре-октябре дипломная работа будет готова и представлена на филфак. Может быть, действительно сведения о том, что у неё ничего не ладится, идущие от её же руководителя, не слишком достоверны. Говорил с нею долго, убеждал бросить всякие другие дела и мысли и получить высшее образование, чтобы уже с дипломом явиться к директору Пушкинского музея на Мойке. <...>

17 августа

Звонила Лидия Михайловна и ошарашила меня: внезапно оказалось (именно внезапно!), что в третьем томе 30 авторских листов, а в четвертом – 35. До сей поры она же уверяла, что мы не выходим за пределы 90 печатных листов, отпущенных на всё издание. В Гослите творится чёрт знает что. Они путаются в арифметике, считают, как им Бог на душу положит. Звонил посоветоваться к Мелентьеву: как быть, возможно ли увеличить листаж на 10 листов? Он боится, что это удорожит издание, дескать придётся платить за четвертый том лишнее. Словом, вечная история: никто не знает, кто от кого и что от чего зависит.

31 августа

<...> Как никогда раньше, я понял свою неприкаянность. Присутствие той или другой женщины украшает жизнь, будоражит меня, но оставляет след всё той же неприкаянности. В какой-то мере я нужен им всем, каждой по особому. Но 75 лет дают знать о себе каждый день и час. <...> А возвращаясь к августу, думаю, что самый яркий его день, единственный нужный для души – это всё-таки день Блока. Он стоит всех остальных тридцати, какими бы они не были. <...>

3 сентября

Вчера была Саша Некрасова. Перехала окончательно в свою Высшую комсомольскую школу и с места в карьер отправлена с другими за 200 километров в колхоз на рытьё картошки. Рассказывает очень невесёлые вещи о том, что ей

предстоит в дальнейшем. Факультетом литературы и журналистики и не пахнет. Всё сплошная политика, «очередные задачи», изучение истории комсомольских съездов со дня основания комсомола, сверх того, грозная дисциплина, утренние зарядки, плохая столовая, запрещение держать у себя электрические плитки, чайники, утюги. Девушек разместили ещё куда ни шло прилично, а парней – в гимнастическом зале на двухэтажных нарах, хуже чем в казарме. Саша мрачна, обещала писать из колхоза. <...>

4 сентября

Только что ушла Наталишка. А была она только потому, что Кипса с Катей уехали до завтра на Пахру. Сложилась совершенно невозможные отношения между Наталишкой и моей дочерью, которая её никогда и в глаза не видела, но поверила каким-то невероятным сплетням об этой бедной девочке: и беззащитной, и ни в чём неповинной, разве только в том, что она разошлась со своим мужем, а тот чернит её где попало и возводит на неё всякую напраслину. Я столкнулся с этим у себя в доме, в лице Кипсы, которая и слышать о ней не хочет и всё уже решила и предрешила и даже грозит тем, что «испортит ей жизнь». Но я тем более обязан противостоять и клевете и Кипсе, которая поверила каким-то телефонным звонкам... Меня это очень серьезно волнует, оттого что Натали – существо бесконечно прелестное и беззащитное. Ей не на что и не на кого опереться. К тому же она больна.

7 сентября

Утром приходила особа из журнала АПН «*Revue Soviétique*», чтобы сделать экспозе из моей статьи о Вахтангове, которое они хотят печатать. Принесла уже сокращённый текст, но я обратно вставил убранное. <...>

А потом явилась Ия как никогда прелестная, весёлая, доброжелательная. Ей вручены и второй том, и сказки, и пластинка. У неё интересные планы насчёт «Русских женщин» Некрасова, интерес к Тургеневу, к его письмам. Она – сильный интеллект, бунтовщица. И всегда неожиданна.

10 сентября

Закончил статью о Достоевском. Трудно сказать, что получилось, всё ли сказано и достаточно ли вразумительно. Боюсь, что в чём-то изменил сжатости и афористичности. Не знаю, хорошо ли доказана необходимость обращения к театру, а оно занимает изрядное место.

Вот уже третий день на Пахре. Всё-таки здесь я и могу и хочу работать, писать. Может быть, оттого что ничего другого не остаётся, но пускай хоть так.

Допишу стихи о молодом Достоевском. Нашёл черновик, несколько первых строф о нём, о приходе к нему Некрасова и Белинского. «Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной». Это из письма Достоевского к жене декабриста Фонвизина, писанное после каторги, из Омска.

Это самое многозначительное и прямое признание Достоевского. Он мог в дальнейшем и опровергать самого себя, и не решаться на такую резкую прямоту, но тогда, в 1854 году, тридцатитрёхлетний человек, никакой каторгой не сломленный, полный надежд, верящий в будущее и в своё призвание, он как никогда больше, выразил в одной фразе свою бунтарскую сущность. Она не столько в принятии Христа, сколько в неприятии истины.

11 сентября

<...> Читаю письма Достоевского. Но до чего же он неприятный, противный человек, буквально обречённый на то, чтобы клеветать на многих и разных. Его дикое отношение к Тургеневу только потому сошло ему с рук, что Тургенев был незлобив и благороден, как никто из русских писателей.

Только что у меня был Юра Нагибин, подарил ему второй том. Ксения хотела зайти, но я решил, что вечером сам пойду к ним. Пора прекратить старые размолвки. Во многом я виноват перед ними. Началось это с ухода Беллы из их дома – где-то между 1966 и 1967 годами. С тех пор я ни разу не был там. А между тем, Ксения была последней, кто пришёл утром 30 декабря к больной Зое. Она поделила со мной тревогу. Я не смею забывать об этом.

12 сентября

Говорят, что Голос Америки передал о смерти Хрущёва на 77-ом году жизни. Завтра понедельник, газет не будет, так что никаких подтверждений не жди. Конечно, с ним ушла эпоха. Ушла она ещё в 1964-м году. А вообще, и вчера у Нагибиных, и сегодня у Н. Фиш, и от Саввы я набрался всяких слухов, идущих по коротким волнам и из ушей в уши московских любителей. Что касается меня, то, не читая наших газет, я равным образом не терплю и сенсаций из-за рубежа. Всё это одинаково гнилая вода из мелких луж. Малейший налёт политики отравляет всё вокруг миазмами лжи. Подальше, ради бога подальше. <...>

18 сентября

<...> Приходил некий парень из газеты «Ленинское знамя» (областная московская) в связи с Блоковскими делами. Завтра он едет с Лесневским в Шахматово; ему поручено обо всём написать. Но боюсь, это совсем неподходящий автор. Путаница в мыслях. Назвать это апломбом нельзя, скорее, упрямство человека, знающего мало, книжно. К тому же религиозен по-модному – с Розановым и Бердяевым, которые замутили ему мозги. <...>

19 сентября

Тане Глушковой предлагают работу в поэтическом отделе «Лит. газеты» с окладом в 150 рублей. Мне кажется, это очень хороший выход для неё ввиду её полного неустройства в жизни. А место это видное, она окажется в центре поэтической жизни хотя бы на год... <...>

21 сентября

От Тани Калининой хорошее письмо. Она сидит и работает на Мойке, в квартире Пушкина. С дипломом всё в порядке, в начале октября предстоит его защита. Она жалуется на отсутствие личной жизни. При всех условиях это ей только полезно.

<...> В «Литературную Россию» отвёз Г.Дробот⁵³ свои «Сказки» и пластинку. Получил пенсию, послал письма двум Таням – Калининой и Глушковой.

Кажется, я выкарабкиваюсь из стихотворения о Достоевском. В нём 56 строк. В нём должен быть взрыв изнутри, когда в ночь прихода к Достоевскому Некрасова и Белинского, время смещается и для Достоевского становится ясным его будущее. Если это будет показано достоверно, без натяжки и как живая реальность, тогда всё в порядке.

22 сентября

<...> Наконец-то я дозвонился в издательство «Современник». По слухам, в их плане стоит моя книга. Это оказалось правильным. На неё отпущено 4-5 листов, это означает около 4 тысяч строк. Больше ничего я не узнал, только уже придумано название: ВРЕМЯ. Странно, что такие вещи делаются без автора, что вообще книгу ставят в план, ничего не сказав автору. Да и само издательство странное. В начале октября ко мне должен явиться редактор, поэт по фамилии Чельщев, будто бы знающий моё творчество.

29 сентября

В «Литературной России» с Поздняевым⁵⁴ договорился насчёт Достоевского – обо всём, включая и Бога, но по своей инициативе заменил слово «Бог» «Христианством». Это и шире и точнее в случае Достоевского. Там же оставят и стихи о нём, которые очень понравились и пойдут – либо в том же номере ноября, либо раньше – рядом с публикациями каких-то текстов Достоевского. <...>

30 сентября.

<...> Спрашивается: чем знаменован сентябрь этого года, что в нём было главное? Если в работе, то Достоевский. Перепечатка и писание статьи и стихов. Перечитывание «Дневника писателя» и других материалов о нём, главным образом воспоминаний и некоторых писем самого Достоевского.

Внутренне же <...> у меня постепенно отваливаются куски сердца (или души, не знаю), отваливаются безболезненно, как отмершие. Хорошо это или дурно – не знаю. Но это признак старости, явный и наглядный. Вот главный итог сентября. Он нервозен и грустен. Больше прибавить сюда нечего. Кроме того, я так привязан к улице Щукина, к моему столу, к беспорядку на нём, к лампе у тахты, что решительно никуда не стремлюсь.

И нужна мне по-настоящему только одна моя работа, по возможности непрерывная. От стихов отрываться к статье, от статьи к чему-то ещё. Нужно по-прежнему изредка выступать публично и проверять своё воздействие на аудиторию. Может быть, за этим скрывается тщеславие. Но кроме тщеславия есть и неистребимое, естественное для меня актёрство, то есть черта художника, который не умещается в немом тексте. Я хочу и должен произносить своё вслух, быть поэтом устным и, кстати сказать, знать свои вещи наизусть. Это заложено ещё в 1920-х годах, даже раньше, когда вся русская поэзия только так и существовала. До типографского станка было дальше, чем до звезды небесной.

1 октября

Читаю «Дневник Писателя» Достоевского. Надо сказать прямо, чтение невесёлое и нелёгкое. Он человек страшный по удивительной путанице в голове, по грузу предвзятых представлений. И только когда на свободу вырывается художник в коротких рассказах или «анекдотах», как он часто называет свои ещё более короткие зарисовки живых людей, особенно детей, когда в нём просыпается память об эпизодах прошлого, тогда Достоевский становится самим собою. Приходишь к выводу, что ему противопоказано отвлечённое мышление, да и политическое тоже. Он сразу слепнет и глохнет. Предвзятое в мыслях о Европе, христианстве, о цивилизации, о евреях, о путях развития России. И когда не сбываются его прогнозы (например, в отношении балканской войны 1876-77-х годов), он даже не замечает своих ошибок, забывает о них.

18 октября

Коля Браун прислал свою новую книгу. По первому беглому чтению, она просто неожиданно прекрасна. Много ума сильного, молодого, заново оценивающего прожитые годы. И название «Вехи времени» очень ощутимо в содержанье стихов. А сам-то он очень ведь болен, не говоря о страшной беде с сыном. Об этом я слишком редко вспоминаю, но обязан помнить всегда. Мои горькие утраты останутся навсегда со мной. Но то, что обрушилось на них обоих, Колю и Марусю, пострашнее. Это не смерть, а вечная рана; она горит всегда.

23 октября

<...> Вечером получил прелестное письмо от Жеки Симонова⁵⁵, который увлекается сейчас моими стихами, пишет, что боится теперь (в связи с этим чтением) звать меня на «Антония и Клеопатру», ещё раз подтверждает приглашение на юбилей театра 13 ноября.

День серый, пасмурный, делать мне пока нечего, да и не хочется. Решил, что читать завтра на французском вечере. Начну Арагоном, закончу Рембо или Бодлером. Насчёт Гюго не знаю. Читать буду много, хочу – последним.

30 октября

Вечер Сергея Васильева в ЦДРИ был вполне сердечен – вплоть до того, что я перешёл на «ты» и с кем же? – С Грибачёвым! И совсем об этом не жалею. Ведь он, как говорится, человек подневольный и теперь даже утверждает, что тогда в 1949 году всем говорил: «Антокольского не трогать». А ведь это он автор гнусной статьи в «Правде»⁵⁶! Я выступал неплохо, с обычными, не жидкими аплодисментами. Приходила Сашура, очень внимательна ко мне, до трогательности. В конце была хорошая закуска с какой-то особой экспортной водкой.

4 ноября

Долго по телефону говорил с Таней Г<лушковой>. Она жалуется на усталость. Ей непривычна сама служба как таковая, какая бы ни была. Но сверх того, она уже разглядела разбойно-ярмарочный характер «Лит. газеты». Над нею масса начальства. Каждый из этих типов не соглашается с соседом, скажем, в отборе стихов данного поэта, а она изволь бегать по этажам, согласовывать. Ей надо осмелеть и хамить в ответ на хамство. Но увы, на это она неспособна. <...>

5 ноября

С утра перепечатал семь стихотворений для давно задуманного цикла «Очей очарованье». Всё должно звучать как лирическая повесть. Браун хочет взять это для «Звезды». Правда, он не читал самих стихов, но думаю, будет доволен, тем более, что в стихах отдалённо звучат Ленинград, Васильевский остров.

Пишу для «*Oeuvres et opinions*» (Труды и мнения, пер. с фр. – Сост.) заказанную статью. Это очерк о русско-французских связях. Разумеется, редакция позорно опоздала с этим заказом. Я обещал сделать к 15-му, а привезу готовый материал девятого! Завтра будет всё дописано и перепечатано. Так за один день на Пахре я сделал больше, чем за неделю в городе. Остаётся: рецензия на книгу Тани Глушковой, в голове она построена. И хороший экземпляр чёрным фломастером с красными заглавными буквами каждой строфы – поздравление Театру Вахтангова. За три дня я смогу и ещё что-нибудь сделать.

Читаю и перечитываю Хлебникова. Утверждение о его бесспорной гениальности остаётся в силе. Но отредактированы его пять томов Николаем Степановым не очень умно. Множество буквальных повторений в ряде стоящих рядом вещей. Это – свалка, а не собрание стихов. Правда, работа у Степанова была дьявольская, он окружён первозданным хаосом черновигов, заготовок. И при этом надо было возможно скорее извлечь всё богатство из забвения при полной неуверенности: вдруг всё пропадёт, сгинет, неизвестно куда и как. Но тем более настоятельна необходимость издать Хлебникова заново, отобрав действительно законченное. Но кто и как будет это делать? Особенно, когда в «Библиотеке поэта» нет Володи Орлова!!!

6 ноября

Проснулся утром от звонкого детского, но уже вполне мальчишеского крика «Папа!» Это был мой правнук Денис. Он – кумир семьи и, как водится, избалован, особенно Кипсой, своей бабушкой, да и отцом тоже. Но его собственная душевная основа настолько прочна и определённа, что баловство его не портит. Он крайне деятелен, активен, экспансивен. И когда дело доходит до машины, любой, какой угодно, в нем просыпается будущий мужчина. В феврале ему исполнится четыре года. <...>

7 ноября

Пора, наконец, установить содержание, порядок стрóf и всё прочее в моём приветствии Театру Вахтангова. За три дня оно разрослось непомерно, я это хорошо чувствую и вот прикидываю разные варианты. Сейчас в нём тринадцать стрóf, некоторые из них в пять или в шесть строк. Это слишком громоздко. Я рискую не выучить всё наизусть, а читать по рукописи – ни в каком случае нельзя.

В «Иностранной литературе» интересная статья Днепровы «Достоевский XX века». Некоторые мысли совпадают с моей статьёй. Но язык!.. Синтаксис!.. Боже мой, как эти учёные не умеют владеть сжатым и кованым стилем, даже не стилем, а слогом хотя бы. <...>

10 ноября

К 12-ти за мной заехал Ю. А. Газиев⁵⁷ и мы отправились в театр Вахтангова. В зале полно народа. Кажется, здесь и всё училище (Театр. училище им. Шуккина при театре Е.Б.Вахтангова. – Сост.) Тут же вижу Завадского. Начало парада Турандот. Завадский, как один из любимых учеников Вахтангова, как святой Антоний, и этим спектаклем открывался театр в 1921 году. Скоро я услышал и загадку обо мне. Юлия Борисова произнесла её, слишком раскатывая эрр, все какие в загадке есть. Я вышел на сцену и прочёл без микрофона свой текст. Кажется, вышло неплохо. На строку «и вся Москва – сплошной Арбат» – аплодисменты. Многие говорили, что тронуты до слёз.

22 ноября

Вчерашний вечер⁵⁸ действительно удался на редкость. С первой же минуты, как начался и покатился самоходом, я понял, что бояться нечего, что дело заварено круто. Прежде всего, это заслуга Смирнова⁵⁹, который самоуправно, толково и тактично вёл вечер. А кого выделить из остальных многих? Прежде всего, Кирсанова, который артистично и, проводя глубокую мысль, процитировал подряд Есенина, Блока, Гумилёва и меня, говорил об единой цепи, в которой вся русская поэзия XX века. Затем, конечно, Евтушенко, читавшего изумительно моего Босха и свои новые стихи о музейных запасниках, стихи крамольные с названием Гончаровой, Ларионова, Кандинского, Фалька и т. д. Но и все остальные были очень содержательны, дружелюбны и артистичны. Межиров чудесно прочёл

вступление и заключение к поэме «Сын». Я читал «Застольную», «Пушкина» 1926 года, монолог из «Вийона», «Балаганного зазывалу» и «Кота в басне». Мог бы и больше, но сослался на усталость, на охрипший голос, который совсем не охрип, наоборот, чем дальше, тем больше крепнул. Аплодисментов была тьма тьмущая. После конца снимались с Завадским, Саввиной и Бортниковым, а также с Сашурой и Банниковым.

Сегодня непрерывные звонки.

Константин сделал вещь, несколько обидную для Озерова, Брауна, решив не оглашать писем и телеграмм, но он был всё-таки прав, ибо это ослабило бы тон и темп остального. <...>

26 ноября

<...> Вот какая печаль. Серьёзно заболел Володя Орлов. Сегодня в поликлинике Литфонда его смотрели три врача, среди них и Анатолий Исаевич. Ему запрещено двигаться, так что на Блоковские чтения в ЦДЛ он завтра не явится, а должен был выступать как основной докладчик. Началось с боли в ноге и это признано мозговым явлением, то есть чем-то вроде инсульта. Он лежит беспомощный в гостиничном номере. Заменить его, конечно, некому. Я должен открыть чтения, но буду сообщать только деловые вещи. <...>

27 ноября

Итак, в 11 часов началось первое заседание Блоковской конференции, увы, в отсутствие Володи Орлова как главного докладчика и вообще основного действующего лица. Я открыл конференцию, рассказав о проделанной нами в Москве двухлетней работе, о стремлении учредить Шахматовский заповедник, о вечерах. Ввиду отсутствия Орлова, я добавил к этому кусок своих воспоминаний о выступлении Блока в 1916 году в Тенишевском училище, о его чтении, о манере его чтения. Затем выступила Зара Минц из Тарту, которая уж так разжижила тему о связи Блока с революционно-демократической поэзией XIX века, столько наплела имён, что всё повисло в воздухе, недоказанное, да и недоказуемое. Далее читал доктор филологических наук из Ленинграда Николай Скатов о связи Блока с Некрасовым. Тоже, кажется мне, не с того конца, где это могло быть интересным: заунывная и общепринятая концепция «поэзии крестьянства». Разумеется, у Блока нет особых связей с этим. Зато последний, Михаил Пьяных⁶⁰, связавший Блока с Достоевским через «Двенадцать» и Христа в «Двенадцати» был и смел и остёр, так что даже сближение с Рогожиным выглядело по-своему оправдано. На этом утреннее заседание закончилось. <...>

29 ноября

Пришла Светлана, принесла свою новую сказку о старом Гёте и Христине. Она очень много знает, что было видно и в других её сказках, там, пожалуй, ещё ярче. Но отчего-то этот товар, куда я ни совался с ним, не проходит. Попробую в «Литературную Россию», единственное место, на какое я еще могу положиться.

Светлана милая, несколько восторженная, может быть, потому что далека от нашей писательской среды. Но и это в ней мне нравится.

А вечером мы с Кипсой заехали в гостиницу за Володей Орловым, там же была Лена Николаевская, и мы втроём проводили его на «Красную Стрелу». И, как всегда, этот ночной вокзал, странный народ (всё больше иностранцы в диких одеяниях), сама близость дальней дороги, – всё это неизменно производит на меня волшебное впечатление. Провожая ли, еду ли сам – всё равно. Столько здесь сконцентрировано памяти за пятьдесят лет жизни. И она всё больше нагружается. Кого я не провожал, кого не встречал, с кем не прощался, уезжая сам... Всё это немислимо вместить ни в голову, ни в сердце. Это сама Поэзия.

1 декабря

Всё утро печатал рецензию на книжку Тани Глушковой. Получилось около десяти страниц, но в «Литературной России» не испугаются, надеюсь. Целищев принёс из «Современника» предполагаемый список отобранного для книги. Всё это предстоит перепечатать у машинисток в Союзе писателей – там сделают быстро и лучше, чем где бы то ни было.

Затем я заехал в «Лит. газету» за Таней Глушковой. Оттуда в ЦДЛ, куда вскоре явилась Белла со своим мальчиком, сыном Кайсына Кулиева⁶¹. Это типичный папенькин сынок, балованный, глупый, лубочно красивый, с по-модному непомерно разросшейся чёрной шевелюрой. Белла, бедная Белла! Она постарела, морщинки у глаз, но глупо, безрассудно счастлива. Да и жалеть её не приходится, хотя бы оттого, что слишком хорошо её знаю. Знаю, как непрочны повороты и зигзаги её пути и поведения. Поведения нет, есть только поступки. <...>

10 декабря

В полпервого я был в ЦДЛ и нашёл там всех: Лисянского⁶², Антонова-Овсеенко⁶³, вдову Талова⁶⁴ и их дочь. Возможность хоть как-нибудь увековечить память этого человека весьма сомнительна. Я знал его очень мало и очень давно. Остались кое-какие стихи, причём в «Сов. писе» дважды был заключён с ним договор и дважды он срывался. Остались его переводы чуть ли не всего Малларме, которого у нас вообще почти никто не переводил. Попробую написать Эткинду о включении некоторых из этих переводов во второй том билингвы, попробую договориться с журналом «Иностранная литература» о публикации в разделе «Литературного наследия» каких-то его переводов. То и другое наиболее перспективно. До приезда Лозовецкого не знаю, что можно сделать в Гослите. С Лесючевским придётся тоже поговорить. <...>

17 декабря

Чем заполнить вечер, мне неизвестно. Никакая работа не идёт на ум. Письма, какие нужно, все написаны, да и надоело мне ругать несчастных графоманов, ни в чём кроме этой несчастной страсти не провинившихся. Живут бог знает в какой глуши, оторванные от книг, от электричества, и кропают дрянь,

уверенные в том, что это поэзия. И ругать их грешно и замалчивать правду ещё более грешно. Я пишу им откровенные письма и рву и бросаю в корзину их самодеятельность. <...>

18 декабря

Умер Александр Твардовский. Только что звонила Белла, ей сообщила Наталья Ильина. Это бесконечное страдание кончилось. Эта светлая и великая душа навсегда успокоилась. Борьба многих людей, врачей, друзей и родных за его спасение оборвалась. Кем он был для всех нас? Гораздо больше, чем поэтом и человеком. Он был последние десять лет воплощением совести и бойцом. Ни алкоголь, ни вторжение злых и глупых сил не мешали ему быть таким. Осиротела Россия, иначе не скажешь. Каким внимательным и нежным помню я его. И каким страшно безвольным тоже помню. Конечно, жизнь будет идти вокруг как ни в чём не бывало. Всё зарастёт травой и зарубцуются. Но как раз это самое ужасное.

21 декабря

Только что вернулся с панихиды. Она была отложена на целый час, наверно ввиду огромного количества людей, претендовавших на почётный караул. Были все писатели за исключением мёртвых. В большом зале ЦДЛ люди сидели, стояли, толпились, переминались с ноги на ногу. Сама панихида была гораздо лучше, чем я представлял её себе. Открыл Наровчатов, говорил он несколько витиевато, настаивая на образе «великой реки», но с волнением. Ещё больше волнения было у Суркова, который начал, чуть ли не плача, с того, что никак не думал, что ему придётся хоронить Твардовского, а не наоборот. Дальше он овладел собою и говорил в общем обычные слова, но вспомнил и Блока: «сотри случайные черты, и ты увидишь: мир прекрасен». Потом какой-то генерал от ПУР'а, что обычно. И наконец, К. Симонов, совершенно больной, досказал всё, о чём молчали другие; о храбрости и честности Твардовского, о его выступлениях, о редакторстве в «Новом мире». Костя говорил последний.

Комментарии

¹ Некрасова Александра Николаевна – биографические данные составителями не найдены.

² Книжная Лавка Писателей – старейший книжный магазин столицы – располагалась на торговой улице в доме, построенном в 1893 году банкирами братьями Джамагаровыми по проекту архитектора Б.В.Фрейденберга. Адрес: Кузнецкий мост, дом 18/7. Идея создания Лавки принадлежала искусствоведу П.П. Муратову. Продавцами здесь работали: писатель Б.К.Зайцев, философ Н.А. Бердяев, поэт В. Ф. Ходасевич. Покупателями были знаменитые писатели, актёры и др. деятели культуры. (См. <http://lavka-pisateley.msk.ru/>)

³ Калинина Татьяна Александровна (род. 1948) – филолог, поэт, переводчик. Работник Всероссийского музея им. А.С.Пушкина. Автор песен к кинофильмам и спектаклям; лауреат всесоюзных конкурсов песни. П.Г.А. ошибся: Т. Калининой было 23 года в 1971 г..

⁴ П.Г.А. имеет в виду, что некоторые важные факты из его жизни не описаны в книге Л.И.Левина «Четыре жизни» (19), многие стихи довоенных лет даже не упоминаются в ней.

⁵ Речь идет о третьем томе собрания сочинений П.Г.А., куда вошли: «Сказки времени» (худож. проза в жанре фантазии), литературоведческий анализ произведений русской классики (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Блок), историко-литературные очерки жизни и творчества западно-европейских поэтов (Шекспир, Шиллер, Гюго, Рембо).

⁶ Кнорозов Юрий Михайлович (1922-1999) – историк, этнограф, лингвист, эпиграфист, основатель советской школы майянистики. Расшифровал письменность древнего народа майя, впоследствии – письменность жителей острова Пасхи и долины Инда.

⁷ Кузьмищев Владимир Александрович (1925-1988) – юрист по международным отношениям, журналист, переводчик художественной литературы, специалист по истории и культуре стран Латинской Америки, автор книг по древнеиндейским цивилизациям, ставших бестселлерами еще в советское время. Его книга «Тайна жрецов майя» – результат его многолетнего исследования одной из самых интересных и загадочных цивилизаций прошлого. Первое издание книги было выпущено в 1968 г. московским издательством «Молодая гвардия».

⁸ Тоом Денис Андреевич (рожд. 1968) – художник-дизайнер; живет и работает в Москве.

⁹ Когда родители разошлись, Наталье было семь лет. П.Г.А. продолжал заботиться о своей первой семье, поддерживая её финансово даже спустя многие годы после того, как дочь достигла совершеннолетия. Это и имела в виду Варя, бестактно заметив: «Ты с семи лет у нас на шею сидишь». После смерти З.К.Бажановой (1968), когда Н.П.Антокольская переехала в дом к отцу, начались конфликты между Варей и новой хозяйкой. Впоследствии Н.П.Антокольская фактически отлучила Варю от дома, в котором та прожила и проработала более 40 лет и который привыкла считать своим.

¹⁰ Лиль, Шарль Мари Рене Леконт де (1818-1894) – французский поэт, глава Парнасской школы. Участник революции 1848 года, инициатор закона об отмене рабства в колониях Франции.

---

¹¹ Тоом Леон Валентинович (1921-1969) – переводчик, критик, поэт. Консультант по эстонской литературе в ССП (1951-1953). Перевел на русский язык многих эстонских классиков и современников, а также поэзию других европейских стран. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

¹² Тоом Лидия Петровна (1894–1975) – журналист, переводчик, представитель эстонской культуры в России. Корреспондент газеты «Правда» (1920-е годы); член РАППа и летописец сов. рабочего движения на стройках Урала (1930-е). Л.П.Тоом и её сын Л.В.Тоом – первые советские переводчики эстонской литературы на русский язык.

¹³ Д.С. Самойлов читал отрывок из поэмы, посвященной своему погибшему другу Леону Тоому – «Последние каникулы» (1970-1972). *Давид Самойлов. «Мне выпало всё...» / Сост. А.Д.Давыдов. М.:Время, 2000.*

¹⁴ Мазьер, Франсис (1924–1994) – этнолог, путешественник, исследовавший в середине XX века культуру загадочного острова Пасхи, расположенного в южной части Тихого океана, и познакомивший с ней цивилизованный мир.

¹⁵ П.Г.А. ошибся: описываемые им события его семейной жизни относятся к 1921 году, в то время как премьера «Принцессы Турандот» (28 февраля) и вскоре последовавшая за ней смерть Е.Б.Вахтангова (29 мая) произошли в 1922 году.

¹⁶ Бунин Павел Львович (1927-2008) – художник-иллюстратор, классик российской книжной графики; поэт, переводчик, мемуарист. С П.Г.А. его роднила общность литературных интересов, сходство художественных взглядов, энциклопедическая образованность.

¹⁷ Рудакова Светлана Ильинична (1939-) – поэт, прозаик, эссеист.

¹⁸ «Из моей жизни: Поэзия и правда:» – автобиографическое сочинение И.В.Гёте; дата написания: 1811-1831.

¹⁹ Бурштейн Анатолий Исаевич – терапевт, зав. отд. Центральной поликлиники Литфонда, лечащий врач П.Г.А..

²⁰ Случевский Константин Константинович (1837-1904) – поэт, прозаик, переводчик, драматург.

²¹ Лафатер Иоганн Каспар (1741-1801) – немецкоязычный швейцарский поэт, прозаик, богослов, основоположник криминальной антропологии.

²² Лифшиц Бенедикт Константинович (1887-1939) – поэт, переводчик, исследователь футуризма. Речь идет о его книге, изданной в серии «Мастера перевода» – *У ночного окна. М.: Прогресс, 1970.*

²³ Первый том собрания сочинений П.Г.А. включал в себя стихотворения и поэмы 1915-1940 годов; вышел в издательстве «Художественная литература».

²⁴ Майкой маленькой П.Г.Антокольский называл Майю Афанасьевну Кармен (фамилия при рожд. Змеул; рожд. 1930), в те годы жену кинорежиссёра Р.Л.Кармена.

²⁵ Второй том собрания сочинений П.Г.А. включал стихотворения и поэмы 1941-1971 годов.

²⁶ Саввина Ия Сергеевна (1936-2011) – журналист, актриса театра и кино; Работала в московском Театре им. Моссовета (1960–1977)

---

²⁷ Термин «книжные» в отношении литературных произведений означает, что для их понимания необходим более высокий, чем у среднего читателя, уровень эрудиции. Это же определение часто использовалось литературными критиками и в отношении поэзии П.Г.А.

²⁸ Мамлин Геннадий Семёнович (1925-2003) – детский поэт, прозаик, драматург; третий муж Б.А.Ахмадулиной.

²⁹ Поэма М.И. Алигер «Зоя» посвящена подвигу комсомолки Зои Космедемьянской во время Второй Мировой войны, когда ... народа к И.В.Сталину был огромен. Эта объективная реальность и была отражена в поэме автора.

³⁰ Тагор, Рабиндранат (1861-1941) – индийский поэт, писатель, композитор, художник, общественный деятель; Ганди, Махатма (1869-1948) – индийский политический и общественный деятель, один из руководителей движения за независимость Индии от Великобритании.

³¹ Тарасова Марина Борисовна (1939-) – поэт, прозаик, переводчик. Редактор изд-ва «Современник» (1971–1974). По рекомендации П.Г.А. была принята в Союз писателей (1971).

³² Кузнецов Феликс Феодосьевич (1931-2016) – литературовед, критик, специалист по истории русской и советской литературы.

³³ Григол Григорьевич Абашидзе (1914—1994) – грузинский поэт, прозаик.

³⁴ Огнёв Владимир Федорович (1923-2016) – прозаик, критик.

³⁵ Тарасов Николай Александрович (1918-1976) – поэт, журналист, глав. ред. газеты «Советский спорт», глав. ред. журнала «Физкультура и спорт».

³⁶ Браун Николай Николаевич (1938-) – поэт, переводчик, публицист, общественный деятель. Секретарь писателя Василия Шувльгина, лидера Белого движения (сер. 1960-х). Арестован КГБ по сфабрикованному обвинению как «особо опасный государственный преступник» (1969), приговорен к 7 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. П.Г.А. принял участие в писательской кампании в его защиту.

³⁷ *Медная лира. Французская поэзия XIX-XX веков в переводах П.Антокольского. М.: Художественная литература, 1970.*

³⁸ «Государство идол мой» – строка из раннего (192) стихотворения П.Г.А., основная мысль которого....

³⁹ Строка из «Песни о Родине» на сл. В. Лебедева-Кумача и муз. И. Дунаевского.

⁴⁰ *Павел Антокольский. Сказки времени. М.: Советский писатель, 1971.*

⁴¹ Главное управление по делам литературы и издательств (аббр. офиц. Главлит) – орган государственного управления СССР, осуществлявший цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации в период с 1922 по 1991 г.г.

⁴² Адонис, Араб (имя при рожд. Али Ахмад Саид Асбар; 1930-?) – сирийский поэт, переводчик, прозаик, языковед, философ; представитель движения «Новая поэзия».

⁴³ В начале 1970-х А.Адонис был с визитом в СССР, встречался с П.Г.А. и подарил ему книгу *Пушкин о самом себе. Пер. с фр. Изд-во «На пороге».*

---

⁴⁴ Богучаров Александр Константинович (фам. при рожд. Марковкин, 1931-1978) – геолог, поэт. Работал зав.отделом поэзии в журнале «Смена».

⁴⁵ Васильев Аркадий Николаевич (1907-1972) – прозаик, сценарист. С 1929 года – работник ОГПУ; В 1960-х годах – секретарь парторганизации Московского отделения СП СССР. Анатолий Михайлович Медников (1918-2004) – прозаик, автор книг, очерков, документальных повестей про рабочий класс.

⁴⁶ Болховитинов Виктор Николаевич (1912-1980) – педагог, прозаик, популяризатор науки. Редактор в журн. «Юный техник» и «Техника – молодежи»; глав. ред. журнала «Наука и жизнь» (с 1961).

⁴⁷ Огай-Реймер Наталия Самсоновна (рожд. 1944) – режиссер; ставила спектакли в театрах Рязани, Шяуляя, Вильнюса (1968-1981). Эмигрировала в США (1982). Дир-р компании «Подмосковные вечера» (г. Новый Орлеан), пропагандирует в США русскую культуру и науку.

⁴⁸ Василий Осипович Ключевский (1841-1911) – российский историк, академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук; лидер Московской исторической школы, создавший собственную концепцию русской истории.

⁴⁹ «That is a question» – Вот в чем вопрос (пер. с англ.); цитата из монолога Гамлета. *Уильям Шекспир. Гамлет, принц датский. Пер. Б.Пастернака. Акт 3, сцена 1.*

⁵⁰ Глушкова Татьяна Михайловна (1939-2001) – советский, российский поэт, критик. Первый сборник стихов «Белая улица» вышел в 1971 году.

⁵¹ Dixi et animam levavi – Сказал и облегчил душу (пер. с лат.)

⁵² Пугачёв Емельян Иванович (1742-1775) – донской казак, предводитель крестьянской войны в России (1773-1775). Самозванец, называвший себя императором Петром III, казнён по указанию императрицы Екатерины II.

⁵³ Дробот Галина Васильевна (1917-2009) – журналист, прозаик. Участница ВОВ (военкор). Ред. газеты «Литературная Россия» (1962–1980). Лауреат премии им. А.Сахарова «За гражданское мужество писателя».

⁵⁴ Поздняев Константин Иванович (1911-2000) – поэт, литературный критик. Глав. ред. еженедельника «Литературная Россия» (1963–1973).

⁵⁵ Симонов Евгений Рубенович (1925-1994) – театральный режиссёр и педагог; Режиссёр Московского Академического Драматического театра (МАДТ) им. Е.Б. Вахтангова (с 1958).

⁵⁶ Грибачёв Н.М. Против космополитизма и формализма в поэзии. «Правда» 1949. 16 февраля. (Статья секретаря партбюро СП СССР. Фонд А.Н. Яковлева. Документ №113.)

⁵⁷ Газиев Юрий Александрович (1924–2019) – филолог, зав. лит. частью Театра им. Е.Б. Вахтангова, библиофил.

⁵⁸ Речь идет о творческом вечере П.Г.Антокольского в ЦДЛ.

⁵⁹ Смирнов Сергей Сергеевич (1915-1976) – прозаик, историк, общественный деятель; в своих литературных произведениях увековечил память героев ВОВ.

⁶⁰ Пьяных Михаил Фёдорович (рожд. 1929) – литературовед, критик,

⁶¹ Кулиев Эльдар Кайсынович (1951–2017) – режиссер, сценарист.

---

⁶² Лиснянский Марк Самойлович (1913-1993) – поэт-песенник.

⁶³ Антонов-Овсеенко Антон Владимирович (1920-2013) – историк, писатель, автор всемирно известных публикаций о Сталине. Основатель и первый директор Государственного музея истории ГУЛАГа (с 2001 года).

⁶⁴ Талов Марк Владимирович (1892-1969) – поэт, переводчик. Находясь на службе в армии, перешел границу, поселился в Париже (1913); представитель русского Монпарнасса. С 1923 жил в Москве, работал в редакции газеты «Гудок» .